

The illustration shows a close-up profile of a man with long, wavy blonde hair and a beard, wearing a green tunic. He is looking towards a dark, stormy sea under a blue, lightning-filled sky. In the distance, a dark silhouette of a person is visible on the water's surface. A circular age rating '16+' is in the top right corner.

16+

Михаил Гаврилов
ИММЕРГОН

Не время для забвения

Михаил Гаврилов

**ИММЕРГОН. Не
время для забвения**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гаврилов М. В.

ИММЕРГОН. Не время для забвения / М. В. Гаврилов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04897-3

Грядет столкновение между теми, кто хочет мира, и теми, кто хочет власти над миром. Кирилл уверен, что решающее сражение случится не на полях Империи, а далеко за ее пределами - на границе Дивион с землями, где никто не бывал. Но он готов рискнуть, несмотря на то, что сил почти не осталось. Успеет ли? Пламя рвется наружу. Да и правда ли это? Кто бы знал... На кону судьба Дальнего Континента, пора решаться.

ISBN 978-5-532-04897-3

© Гаврилов М. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Мысли расползаются, как отравленные насекомые, Кирилл пытается собрать их в кучу, а между тем, словно со стороны, услышал собственный голос:

– Почему тебя все боятся?

Взгляд Зорга наполнился сочувствием, уголки глаз и губ раздвинулись в намеке на улыбку. Он сидит за письменным столом посреди просторного кабинета, погруженный в массивное кресло, напоминающее белоснежный куб. Против него Кирилл в таком же кресле, но с таким видом, словно под ним муравейник.

– Кто боится меня? Люди?

– Не только люди. Все, кого я знаю, услышав твое имя, вжимают головы и трясутся от страха. Великие называют тебя адептом тьмы...

Зорг едва не лопнул от смеха; голова упала на сгиб локтя, тело сотрясается, словно пронизанное током. Кириллу захотелось провалиться под землю.

– Прости... – сказал Зорг сквозь слезы. – Но это действительно смешно.

Он откинулся на спинку кресла, о вспышке веселья напоминают лишь слегка порозовевшие щеки.

– Я не купался в крови, не выводил болезнетворных бактерий, не организовывал перевороты, революции, войны. И уж тем более не пропагандировал ничего подобного. Однако надо признать, даже твой отец обходил меня стороной, а уж у него-то с головой был полный порядок. Так в чем дело?

– В чем? – эхом отозвался Кирилл, моргая чаще обычного.

– Никто ничего обо мне не знает, в этом соль, – сказал Зорг, щелкнув пальцами. – Незвестность пугает, а слухи раздувают страх.

– Но ведь слухи не рождаются на ровном месте, – возразил Кирилл. – Великих же не боятся...

– Великие находятся в просторной светлой комнате с дверями и окнами настежь, в то время как я, в точно такой же комнате, но двери закрыты. И окна. Для всех.

Великие обмениваются мыслями, принимают участие в судьбах друг друга, а я не прошу помощи и никому ее не оказываю. Во всяком случае, по собственной инициативе. И в особенности людям.

– Людям? Это интересно. А почему Дартон помогал людям?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну, он... тоже маг... – промямлил Кирилл, чувствуя себя еще глупее, чем прежде. – И он... И ты говорил о нем с уважением...

– Ты упомянул о нем не поэтому.

– Я... Меня удивляет то, что ты говоришь о людях с неприязнью. Дартон вел себя иначе, с точностью до наоборот.

– Дартон любил людей, жил среди них, являясь частью человеческого общества, и весь свой опыт вкладывал в их благо. Магу не место среди людей, и Дартон как раз таковым не являлся. Его так называли люди. Он скорее напоминал куколку, которой не суждено было стать бабочкой. Видишь ли, не каждому дано перешагнуть Барьер, и случается так, что дерзнувший идти до конца рвет связи между разумом и душой... Страшное явление. И необратимое.

Дартон не решился на этот шаг, поэтому остался талантливым человеком с чудо-коробочкой с секретом в виде посоха. Всю жизнь он по крупицам собирал знания, складывал их туда, когда что-то было нужно, вынимал и использовал. Маги так не делают, в этом нет необходимости. Как и во много другом. Но Дартон оставался человеком до самой смерти. С магом не мог случиться такой финал, это было бы невозможно. Так же как невозможно убить ветер.

А что касается людей... Люди нестабильны. Каждый человек сам по себе ничего не стоит, люди – это социум, в котором все зависит от вклада каждого. Но они этого не понимают. Одни выпячиваются, другие, напротив, предпочитают отсидеться в стороне. Когда все хорошо, они начинают засыпать и разлагаться. Необходима встряска. Когда прижмет, кричат: «Помогите!». А после: «Не трогайте нас. Мы свободные, мы сами знаем, как надо». А потом в три раза громче: «Спасите нас!» Когда-то меня огорчали подобные вещи. С тобой это тоже будет случаться, я так думаю. Но потом все изменится. Или встанешь рядом с Цемирунулом.

– В каком смысле?

– В том смысле, что тебе такие вещи никогда не будут безразличны. Иногда бывает и так.

– Хочешь сказать, что тех, кому все равно большинство? И много таких?

– Немало, – сказал Зорг, и лицо омрачилось. – За свою жизнь я много чего видел. Я сыграл много ролей. Но однажды я обрел возможность созерцать, и с тех пор единственное, в чем меня можно упрекнуть – это в беспристрастности. Потому что, перешагнув некую черту, я обрел многое, и в то же время многое утратил.

Зорг подумал немного, барабанил по столешнице пальцами, тонкими и гибкими, как у музыканта.

– Похоже, я тебя запутал, предлагаю вернуться в начало. Я не являюсь адептом зла просто потому, что зла не существует как такового. Есть отсутствие здравомыслия, эгоистичность, те или иные поступки – взвешенные и стихийные, со смыслом и без, во благо кому-то и во благо себе. Есть траектория, алгоритм, настроение, ориентация и много чего еще. Все споры на тему добра и зла – софистика. В жизни есть лишь события и разного рода обстоятельства.

– Обстоятельства?

– Именно так.

Кирилл внутренне подобрался, кровь ударила в голову.

– Обстоятельства... – сказал он, едва не задохнувшись от нахлынувшего негодования. – Да что это за обстоятельства, когда человек торгует собой, когда мать выбрасывает новорожденного в помойку, когда сильный использует слабого, когда взрослый совращает дитя, когда каждый день убийства, голод, болезни, безнравственность и бог знает, что еще! Почему? Если нет зла как такового, откуда это все? Кто диктует?

– Никто не диктует. Люди все делают собственными руками и благополучно спирают на духов, дьявола, озоновые дыры, магнитные бури и прочее. Проще всего, измазавшись в крови по уши, заявить, что был одержим злым духом. Люди не хотят слышать доводы разума и веление сердца, спрашивать с себя, перешагивать через хочю, разбираться в себе, зато охотно берутся анализировать и судить других и весь окружающий мир. Даже самую безобидную религию, нацеленную светлыми умами на исправление вывихов общества, люди выворачивают наизнанку, дабы использовать в целях прямо противоположных.

Жизнь сложная и страшная штука, это говорю тебе я, но в ней нет концентрированного зла, которое льется на голову несчастных людей. Жизнь гармонична, любые процессы взаимосвязаны, на каждое событие есть причина. У жизни есть определенные законы, и эти законы работают. И без них не будет жизни как таковой.

– О чем ты говоришь? – спросил Кирилл, чувствуя, как начинает расплываться.

– Я говорю тебе об одной из сторон Взаимодействия, о созидании и разрушении, о законах, по которым развивается и умирает органика. Посмотри вокруг – повсеместно разносится сигнал: **ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!!!** Вопят те, кто способен так или иначе перемещаться в пространстве, и те, кто этой возможности лишен. Органика, обделенная мозгами, выживает как может, как заложено. Та, что успела обзавестись зачатками разума, делает это сообща, со смыслом, по определенным правилам. А есть такая, которая всерьез полагает, что научилась думать, и здесь все не столь прямолинейно, зато куда более изощрённо, изобретательно, с удовольствием. И никогда людям не суждено стать ни стелоиерами, ни рунями, ни тем более аль-

тами, ни в этом мире, ни в каком-то другом. Люди обречены на вечные муки, как и то, что их окружает. Ареал человека – рвотная зловонная жижа, ядовитая, кишащая агрессивными бактериями, болью и тяжкими страданиями. Во все времена так было и так будет, такова человеческая природа. Среди людей рождались герои, гении, личности восхитительные и достойные самого лучшего, но основная масса – бесполезные потребители, безжалостные, бестолковые, наступая на ногу слабому, они злорадствуют, но стоит прищемить им хвост, как они заорут во всю глотку: «Как же так! За что?» И никто не исправит этого. Многие пробовали, и я пробовал, и сами люди, но основная масса тянула обратно: «Не надо нам указывать! Не надо нас воспитывать и понукать. Мы разумны, мы совершенны, и мы хотим свободы. Мы не знаем, что она такое и что с ней делать, но мы хотим ее больше всего на свете!»

Все, что ты можешь сделать – это для самого себя определить красавец ты или урод, захлебнуться в грязи или тянуться к солнцу. Ты не изменишь ничего, ибо не Зло, а Глупость внутри людей! И выкорчевать ее невозможно. Но кто-то, глядишь, и возьмет с тебя пример и потянется за тобой. Если ты не разочарован, если тебе не все равно, меняйся сам, меняй мир вокруг себя, потихоньку, не спеша, помогая только тем, кому действительно это нужно. И никогда не делай благо вопреки, ибо насилие отвратительно в любом виде.

Твой отец избрал верный путь. Он был прекрасен и делал прекрасным мир вокруг себя. И к нему тянулись. Среди тех, кто жил в Кхоридаре, людей было много, и все они до сих пор стараются походить на твоего отца. Из них уже не вытравишь этого, но будут ли такими же их дети? Внуки? Вряд ли.

Видишь ли, очень часто человек становится человеком лишь тогда, когда наестся горя и боли, разочарований и лишений, человек застрял в своем развитии на полпути, уже не животное, но и до разумности по-прежнему далековато, именно поэтому он все время нуждается в кумирах, в тех кому можно подражать. Нет кумира – нет человека, есть лишь маленькое алчущее создание, брызгающее слюной по поводу и без.

И вот еще что. Мир не такой, каким ты его видишь, в том смысле, что ты не видишь всего. Все что ты способен уразуметь самостоятельно – ничтожная единица чего-то поистине огромного, подобно тому, как улитка не способна охватить то, что ее раздавило. Когда ты подкуриваешь сигарету и делаешь затяжку, то вряд ли задумываешься при этом, какая из клеток заслуживает смерти. Но ты губишь клетки, провоцируешь некроз, о котором понятия не имеешь, ты делаешь это сам, и выходит так, что какая-то часть клеток твоего драгоценного организма рождается для глупейшей цели... Одна затяжка. Другая. Еще одна. Пачка за пачкой. Снова и снова. Злой Рок? Происки Тьмы? Или глупость, благодаря которой ты по собственной прихоти травяшь самого себя смолами?

- Ты хочешь сказать, что все мы просто-напросто являемся частью чего-то большего?
- Являемся.
- И страдаем от тех или иных процессов, которые просто имеют место?
- Страдаем.
- Это действительно так?
- Действительно...

Часть 1

Глава 1

Оглашая улицу звонким цоканьем, на площадь Семи Фонтанов прикатила карета, запряжённая четверкой белых лошадей. Прохожие с почтением поглядывают на нее, как если бы за черным шелком занавесок скрывался некто весьма влиятельный. Как только карета остановилась, застывший на запятках лакей ожил, немолодой, чопорный, в дорогом костюме из темно-зеленого бархата. Не меняя выражения лица, бесстрастного или скорее безучастного, он спрыгнул на землю и, действуя проворно и в то же время с достоинством, в полупоклоне распахнул дверцу с изображением герба князя Арендорского – золотого тигра, стоящего на задних лапах. Опираясь о предплечье слуги, из кареты выбрался седовласый мужчина: облик благородный, солидный, выражение лица и движения флегматичны, но невольно возникает подозрение, что за этими сонными глазами скрывается ум незаурядный и энергичный. Наряд кажется простым, но искушенный наблюдатель понял бы сразу, что над ним трудился один из лучших мастеров Империи.

Не проронив ни слова, мужчина отправился на середину площади, еле заметно прихрамывая. Подле центрального фонтана принял непринужденную позу, по-видимому, в ожидании кого-то.

Как же все изменилось, – подумал он. – Будний день, все куда-то бегут сломя голову, суетятся. В воздухе пульсирует напряжение. Кто-то вообще занят настоящим делом? Или все только и рыщут в поиске наживы? Купить, продать, обменять, заключить сделку, а еще лучше, как это сейчас модно говорить, поднять монету, – снова и снова, без конца и края. Он посмотрел на здание, построенное в форме сапога, не так давно там продавали недорогую качественную обувь, сшитую на фабрике на окраине города тысячами рук сытых людей, живущих тут же в прекрасном районе. Ныне в облупившемся «сапоге» торгуют низкосортным ширпотребом, привезенным из города-порта соседнего уезда. Фабрика превратилась в полупустые склады с привидениями и нетрезвым сторожем. А люди, вот они – снуют с газетами, тысячами всевозможных предложений и беспокойными глазами перед завтрашним днем. Как же все это противостоит природе!

Вот он, Конгломерат...

Между тем, со стороны Городского Парка появился еще один экипаж: самый обычный, ничем непримечательный; наверное, никто бы и не заметил потертую бричку, если бы не пассажиры, высадившиеся из нее, а вернее было бы сказать пассажир, ступивший на мостовую вторым – молодой человек лет тридцати. В то время как первый закрывал дверцу, он повернулся к вознице, и, крикнув что-то ободряющее, помахал на прощание, как старому другу. Тот привстал, снимая шляпу, явно польщенный вниманием. Бричка покатила прочь, а новоприбывшие двинулись по направлению к центральному фонтану.

Молодой человек шагает чуть впереди, высокий, статный, внешний вид броский, изысканный, но не вычурный. Судя по легкости походки, по глазам, наполненным живым блеском, этот человек любит жизнь и умеет жить с удовольствием. Быть может именно поэтому он и привлекает к себе так много внимания встречаемых людей, с которыми чуть не на каждом шагу обменивается приветствиями и любезностями. Его спутник, отстающий ровно на шаг, не может похвастать ни внешностью, ни статью: длинные руки, блеклые черты, дружелюбное лицо с голубыми глазами, прозрачными и открытыми, как у ребенка. Напоминает дворнягу, что по пятам шествует за любимым хозяином. Даже зовут его все не по имени, а прозвищем

– Лютый. И вряд ли это прозвище пристало к нему задаром: долговязый, нескладный, инфантильный, до поры...

– Рад видеть вас, ун Гиборд! – воскликнул молодой человек, жмурясь от яркого солнца и прижимая к груди растопыренную пятерню. Лютый почтительно склонил голову, прижимая к плечу ладонь левой руки. – Но я, кажется, опоздал. Прошу прощения.

– Ну что вы, Регион, это я приехал несколько раньше, – откликнулся Гиборд, отвечая обоим на приветствие. – К тому же, я ожидаю вас от силы минуты две. Лучше расскажите, как ваше настроение.

– У меня замечательное настроение! Я полон энергии! Но должен признаться, меня так и знобит при мысли о предстоящем событии. Неужели мы его увидим?

– Непременно, – ответил Гиборд. – Но запаситесь терпением, друг мой. И, кстати, как вы смотрите на то, чтобы немного пройтись? Сегодня восхитительный день, – сказал он приподнятым тоном, но поникшие плечи выдали в нем человека, разучившегося по-настоящему радоваться, чему бы то ни было.

– Вы правы. Наконец-то выглянуло солнце, и, полагаю, будет зазорно отказать себе в удовольствии прогуляться.

Гиборд подал знак кучеру, и карета быстро растворилась в общем потоке всадников и повозок. Между спутниками воцарилось безмолвие, каждый погрузился в собственные мысли. Гиборд выглядит отрешенно, смотрит в одну точку. Регион кажется расслабленным, с наслаждением вдыхает прохладный весенний воздух, беззаботно крутит головой по сторонам, разглядывая дома и всевозможные архитектурные изыски, словно видит их впервые. В какой-то мере так и есть, события последних месяцев перевернули взгляды на многие вещи. А некая весть, пришедшая две недели назад, и вовсе поставила мир с ног на голову.

– Чем вы так опечалены, позвольте узнать? – поинтересовался Регион, дабы немного отвлечь себя от гнетущих размышлений. – Простите меня, если мои наблюдения ошибочны или если я затронул тему столь щекотливую, что даже одно упоминание о ней приводит вас в расстройство.

– Ах, Регион... – сказал Гиборд, вздыхая. – Мое старое больное сердце при каждом вдохе наполняется новой порцией боли, когда я смотрю вокруг. Наш добрый Нортъен напоминает голову, пораженную черной немочью, и, кажется, будто вот-вот испустит дух все тело. И как бы я ни старался, никак не могу отвлечь себя от гнетущих мыслей. А ведь помнится, я как-то читал об этом в «Априори», смеялся, старый пень...

Регион многозначительно хмыкнул, но промолчал.

– Такое ощущение, будто автор знал, о чем писал, – продолжает Гиборд печальным голосом, но с таким видом, будто говорит о погоде. – Не предполагал, а именно знал! Как это может быть? Юноша двадцати трех лет знал, в то время как седобородые знатоки жизни ни сном, ни духом. Потешались над автором, злословили, задыхаясь от ненависти и презрения. Многие из них уже в могиле... а те, что остались завидуют им.

– Надо понимать, вы себя относите к последним?

– Да, Регион, я завидую им все чаще.

– Но ведь вы дышите! По-прежнему светит солнце, дует ветер. Все не так уж... фатально я бы сказал. К тому же на горизонте блеснул луч надежды, и кто знает, быть может, он выведет нас к благополучию?

– Мне удивительно слышать это от вас, – сказал Гиборд задумчиво. – Помнится, все было наоборот – вы сокрушались, обвиняя меня в том, что я недостаточно объективен во взглядах, а я, стараясь не обращать на это внимание, ободрял вас. Причем все это было тогда, когда Фераур дышала полной грудью.

– Я и сейчас готов обвинить вас в этом, – сказал Регион с улыбкой. – Так что как видите, ничего не изменилось.

– Еще как изменилось, не лукавьте. Только я не могу взять в толк, как вам это удалось.

– Я рисковал сойти с ума. И постарался этого не допустить, вот весь секрет.

– Это интересно... – сказал Гиборд, блеснув прищуренным глазом. – Если я вас знаю, сейчас вы говорите серьезно, что в свою очередь заставляет меня крепко задуматься. Разве такое возможно? Осознать, что сходишь с ума и сопротивляться этому.

– Вас это действительно интересует?

– Чрезвычайно!

– Я изобрел достаточно нехитрый прием: мысленно прочертил для себя параллельную линию собственного жизненного пути, на которой нет места прошлому, но есть место для будущего. Будущего, каким я хотел бы его видеть. Это позволяет мне идти сейчас рядом с вами и радоваться жизни, не думая ни о чем, кроме благополучной перспективы. Тем и живу.

– Исключительно ненадежная позиция, вам не кажется?

– Ничуть, – возразил Регион. – Если что-то пойдет не так, вы будете не менее моего разочарованы и деморализованы.

– Вы правы Регион, правы, как и всегда. Я не хочу об этом даже думать...

На улице «Хлебушников» они угодили в толчею, разноцветную смесь горластых лоточников, шумных покупателей и бесчисленных повозок; одни оживленно о чем-то спорят, иные грузят, тут и там раздаются взрывы смеха, атмосфера этого места по-прежнему благоприятная, теплая. Регион с наслаждением втянул запах свежего хлеба. Пройдя улицу сквозняком, неспешно и в то же время не задерживаясь ни на минуту, они заказали первый попавшийся экипаж и под бодрое гиканье извозчика покатали в условленное место. Через четверть часа показалась окраина города – Тенная улица, что пролегает чуть выше реки Золотушка; на ее берегу под сенью старых вязов притаилась харчевня, невзрачная, ссутулившаяся под тяжестью лет, ведь она была здесь уже тогда, когда закладывался первый кирпич Нортъен, но по-прежнему уютная, изобилующая великолепной кухней и хорошим настроением.

До возвращения разведывательного отряда еще раз обсудили план поездки, и, на закате, под охраной девяти офицеров и Лютого, ун Гиборд Бисмун и ун Регион Паррот покинули город.

Глава 2

Целью упомянутых господ является город Ривалро, столица восточной провинции, где предстоит встреча, которую по самым скромным оценкам можно назвать переломной не только в их жизни, но и в жизни всей Империи. Несмотря на тщательные приготовления, поездка имеет большую долю риска: между рубежом Нортиер и Дарладом лежат земли двух провинций побратимов, которые в дни трагедии абстрагировались от Империи, объявив претензию на суверенитет, и тут же захлопнули границы. На дорогу планировалось потратить неделю, путешествие выдалось без проволочек, соратники сработали на совесть: их встречали, провожали безопасным путем, передавая с рук на руки. При этом до цели добрались с опозданием в три дня.

И вот, наконец, вдали замаячили флаштоки, пестреющие развевающимися полотнищами, заиграли зайчики на стеклах и жестяных крышах. До ворот Ривалро оставалось не более реона, когда провожатых сменили несколько молодцов: ни мундиров, ни знаков отличия на темных одеждах, лица угрюмы, но не враждебны. Впрочем, ни Гиборд, ни Регион не сомневались, один неосторожный шаг и их убьют, не раздумывая.

Почтенных господ проводили в городскую администрацию, здание красивое, старое, но не ветхое, с множеством окон и башенок, увенчанных флюгерами и флажками. В одном из кабинетов любезно пригласили за стол, угостили напитками и уже через несколько минут явился человек, о котором знали и Регион, и Гиборд, но которого в глаза не видели. Человек призрак, человек легенда – господин Тэр Кловилен.

– Здравствуйте, господа, рад вас видеть, – сказал он, усаживаясь во главе стола. Невысокий, худощавый человек с серыми, почти стальными глазами.

– Мы тоже рады, – сказал Гиборд тоном, подразумевающим прямо противоположное. Он оказался не в силах унять ненависть к этому человеку. Врагу с большой буквы!

– Давайте оставим лицемерие, – сказал Регион. – Сегодня мы оказались за одним столом, и каждый из нас понимает, почему так случилось. Важно другое: каждая минута промедления подобна яду для Империи, каждая заминка на руку нашим общим врагам, не так ли, господин... Прошу прощения, как мне называть вас?

– Называйте меня по имени, – сказал Тэр Кловилен, глядя на него очень внимательно. Регион поежился. Сколько же силищи в этом человеке! Тем не менее, стараясь вести себя естественно, он продолжил:

– Не будем играть в кошки мышки, Тэр, скажите начистоту, какова процедура выявления нашего... нашей пригодности, скажем так.

– Мне достаточно было взглянуть на вас.

– То есть, вы уже готовы озвучить свое решение? – спросил Гиборд, выгнув бровь.

– Я готов проводить вас к Его Величеству.

– Вы что, нас разыгрываете?

– Я говорю начистоту, как вы и просили. Что вас удивляет?

– Я ожидал несколько иного приема, – признался Гиборд, борясь с недоумением.

– Прошу простить меня за то, что разочаровал вас, но, если вы готовы, мы можем отправиться сию же минуту.

– Разумеется, мы готовы, – сказал Гиборд, поднимаясь.

На улице Гиборд поморщился – сыро. Несмотря на время, четверть третьего, небо темное, почти черное, и снова моросит. Кловилен указал на большой темный экипаж, предназначенный на четыре персоны; внутри он оказался просторнее и комфортабельнее, нежели можно было предположить с виду. Регион и Гиборд сели спиной к лошадям, Тэр напротив.

Лютый забрался на козлы рядом с кучером и экипаж под охраной десяти конных покати вон из города.

Дорога заняла более пятнадцати часов. Регион большей частью дремал. Гиборд сидел в напряжении, старался не замечать ненавистного соседа, и все думал, думал. Как они будут смотреть в глаза Императора? Что они там увидят? Смогут ли не умереть на месте, когда Его Величество соблаговолит взглянуть на них? Душа, изжеванная терзаниями, заскулила при этих мыслях. Что их ждет? На что они вообще надеются...

Примерно в середине пути экипаж съехал с тракта на лесную дорогу, узкую и едва приметную. Кузов то и дело опасно кренился, то в одну, то в другую сторону, пассажиров изрядно потряхивало, но постепенно поверхность выровнялась. Кругом мертвая тишина и мрак, точно не в карете едут, а плывут на маленьком корабле по темному морю. Интересно сколько лихих молодцов, вооруженных лучшим оружием Империи, разбросано в этом глухом древесном мире? – подумал Гиборд, сглатывая чаще обычного в попытке избавиться от неприятного чувства; дорога, сворачиваясь спиралью, потянулась вверх по склону горы, отчего стало закладывать уши. Заметно похолодало, Регион заворочался во сне, натягивая плед до самих глаз.

Возникла заминка, лошади не сразу осмелились ступить на подвесной мост, соединяющий между собой вершины отрогов, но, в конце концов, экипаж стронулся; мост недовольно поскрипывал, раскачиваясь над ущельем. За ним снова последовала крутая спираль, потом еще один мост и вновь глухая чаща.

Мимо окна проплыл силуэт с факелом, глаза Тэра сверкнули, и генерал вздрогнул; мысли вновь потянулись к персоне загадочного провожатого, и он почувствовал, как начинает раздвигаться. Как могло случиться, что Гиборд оказался в одной связке с человеком ненавистным до мозга костей? Более того, от него будет зависеть даже собственная судьба. Да что судьба! Этот человек столько сделал для державы, законы которой игнорировал и попирали, внутри которой создал державу собственную, безжалостную и неприступную как раковая опухоль. Многие говорили о том, что Тэр Кловилен заслуживает глубокого уважения, и когда Гиборд слышал подобное, то выходил из себя, плевался и сквернословил, но теперь вынужден был согласиться – этот человек с первого взгляда вызывает уважение. Да, за таким пойдут и будут гибнуть, как шли и гибли за него самого, за Гиборда Бисмун.

Через несколько часов взору открылись заснеженные вершины гор и грозный замок, возвышающийся над пропастью. Словно по волшебству массивная решетка скользнула вверх, подъемный мост опустился, створки ворот разошлись в стороны. Под дробь копыт экипаж въехал в темный зев, и все вернулось на свои места. Во дворе их встретили люди с причудливыми ручными фонарями, напоминающими лунные осколки, оправленные серебром. Гостей проводили в столовую, плотно накормили нехитрым ужином, и проводили каждого в отдельные покои на отдых.

Регион долго ворочался с боку на бок на огромной кровати, снедаемый тревогой и трепеща каждой клеткой от ожидания предстоящей встречи. Гиборд в дороге переутомился, и, хотя от напряжения, холода и тяжелых дум заняла старая рана, немедленно уснул.

Глава 3

В девять утра их пригласили к завтраку. Ели мало, без разговоров, только столовое серебро позвякивало в тишине. Минут через тридцать за ними пришел высокий худой человек с жидкими волосами до плеч. Не проронив ни слова, сложился в полупоклоне, напоминая надломленную щетку. Гости поднялись и он, не оглядываясь, повел их за собой.

Император принял гостей в Мраморной Зале, предназначенной для церемоний и торжеств, с величественными колоннами, подпирающими недостижимые своды потолка, с люстрами, напоминающими волшебные хрустальные облака, с витиеватыми узорами на полу, призыванными в часы веселья радовать глаз изяществом красок, а сейчас угнетающими восприятие, похожими на засохшие кровоподтеки. В зале царит оглушительная тишина и полумрак, золотистые прожилки в стенах поблескивают холодно, как звезды и туманности в далеком космосе. У огромного стрельчатого окна стоит Император, маленькая фигурка со скрещенными на груди руками, с отсутствующим видом созерцающая горную панораму и пасмурное небо. Сразу же бросилось в глаза, как сильно он изменился: если ранее напоминал льва – сильного, стремительного, с облаком каштановых волос вокруг лица, хищного и живого, – то ныне более всего напоминает коршуна.

Коршуна, которому обрезали крылья и заперли в клетке.

Услышав шаги, Император обернулся. Регион и Гиборд замерли в отдалении, не в силах превозмочь оторопь. Все, что хотели сказать, улетучилось.

– Рад вас видеть, господа, – сказал Император холодно. – Что привело вас в такую даль?

Ответом послужило безмолвие.

– Что же вы молчите?

– Мы оробели, – сказал генерал, глядя на повелителя, как на ожившего мертвеца; Гиборд едва держится на ногах, дыхание прерывистое, точно у него разболелось сердце. Регион чувствует себя еще хуже.

– Похоже, понадобится немного времени, чтобы прийти в себя... – сказал он.

– Что ж, у вас достаточно времени, – ответил Император и как будто улыбнулся. Впрочем, скорее всего так только показалось, ибо на этом лице вряд ли нашлось бы место улыбке.

В голове Региона возникли тысячи мыслей, каждая из которых претендует на первоочередность. Понадобилось несколько минут, чтобы обрести способность связывать их в слова.

– Ваше Величество, так много хочется сказать, – сказал он, проклиная себя за слабость и тугодумие. – На одном дыхании, обо всем и сразу, а вместе с тем я в отчаянии от того, насколько слова неуклюжи и ничтожны, как с помощью них трудно передать все то, что происходит с Империей, какие ужасы обрушиваются... – Регион запнулся, но продолжил тут же: – Если бы только это было возможно, я бы вынул из собственной груди сердце и вложил в ваши руки, чтобы вы почувствовали все, что чувствует каждый житель Фераур...

Император не шелохнулся, он как будто окаменел.

– Полагаю, многое вам известно, – сказал Гиборд. – Но быть может, вы не знаете подробностей? Мы хотим рассказать обо всем, что происходит в Империи сию минуту и о том, что должно случиться в самом ближайшем времени, если не принять меры.

Возникла пауза, и в то время как гости заламывали за спиной пальцы, Император стоял, не шелохнувшись, даже грудь не вздымалась при дыхании. Когда напряжение достигло пика, и Регион уже готов был нанести себе увечье, сломав один из пальцев, Его Величество ожил.

– Вряд ли я услышу что-то новое, – сказал он глухо. – Но воля ваша, прошу – говорите все, что считаете нужным.

– Вам известно, что Конгломерат распался? – спросил Гиборд с таким видом, точно все его тело сведено судорогой.

– Было бы странно, если бы этого не случилось. Что ж, теперь они всерьез возьмутся друг за друга. Победит сильнейший. Так они думают. На самом деле не победит никто, потому что очень скоро всем станет не до этого.

– Им уже не до этого, – сказал Регион. – События разворачиваются слишком быстро.

– Для тех, кто питал иллюзии, – возразил Император.

– Как бы то ни было, многие отреклись от Конгломерата, – сказал Гиборд. – Многие отрекутся в самом ближайшем будущем. В итоге одни пребывают в смятении, другие хотят разыскать вас, третьи уже ищут. Хотя, должен признаться не обошлось без тех, кто желает разыскать и вернуть вас для... так сказать...

– Ими движет расчет, – сказал Регион.

– И это столь прозрачно, словно они намеренно ничего не скрывают, но напротив – выставляют свои побуждения напоказ. Я даже склонен думать, что за всем этим кроется нечто большее. Нечто, чего я не понимаю. Я человек военный, то есть далекий от политики и придворных интриг, но даже для меня очевидно, что те, кто рассчитывает удержаться у власти и действовать от вашего имени, поняли, наконец, что у них нет ни единого шанса самостоятельно справиться с ситуацией, не говоря уже о том, чтобы остановить грядущие беды.

– Прозрение великая вещь... – сказал Император, и в глазах промелькнула горькая усмешка.

– Ваше Величество, Фераур в преддверии полнейшего краха, – сказал Регион. – Но ни у кого нет понимания, что делать дальше, как объединиться, и потому в эту самую минуту миллионы людей молят Всевышнего о том, чтобы вы оказались живы. А те, кто знает, преисполненные благодарности, каются и воздают славу тем, кто оказался верен вам до последней капли крови, оберегая и укрывая вас ценой собственных жизней, в то время как остальные ослепли и оглохли, не выдержав напряжения перемен. Были и те, кто чрезмерно увлекся размышлениями, наблюдениями и колебаниями. Но мы протрезвели! И мы готовы отдать всю свою энергию, средства и время ради одного единственного намерения – пасть пред вами ниц!

Регион сам бухнулся на колени и заговорил, с глазами полными горечи:

– Мы не смеем просить о прощении, но позвольте исправить то, что произошло. Обопричьтесь о наши плечи, вершите нашими руками благие дела. Позвольте вернуть людям веру в справедливость и здравый смысл!

– Мы сломлены собственным преступлением, – сказал Гиборд, преклоняя колена. Он скривился от боли, но лишь рефлекторно, едва ли замечая ее, ибо то, что болит в груди, причиняет страдания не в пример больше. – Мы пришли просить вас о милости!

– Довольно! – сказал Император, и точно хлыст шелкнул в звенящей тишине. – Поднимитесь, я и без того способен увидеть искренность. И никогда более не делайте так, если вы не обращаетесь к Творцу.

Когда они встали, Император продолжил:

– *Время чудовищная и чудная штука!* – сказал однажды мой друг, король Дродэрн. – *Вот он – лиходей и плут! А через миг – новый человек. Все что было, того уже и нет вовсе. И никогда не будет. Время рождает и уничтожает в один миг. Мгновение стирает все – Великое и Ничтожное!*

И добавил нечто еще более удивительное: *Во всем, что происходит, инерция играет ключевую роль! Ее наличие, либо отсутствие. Необходимо это учитывать.*

Вы есть то, чем являетесь ныне, здесь и сейчас. Простили ли вы себя? Что до меня, то знайте: во мне нет ненависти, а месть – это незавидный удел тех, кто застревает в эпизодах и ломает об них жизнь. Мне ни к чему изводить душу ржавчиной.

Воцарилась тишина.

– Даже не знаю радоваться мне или же предаться отчаянию? – сказал Регион. – Получив то, на что не смел рассчитывать, я не испытываю облегчение. – И он вздохнул так тяжело, будто на плечи ему опустился груз, весом в десятки раз превышающий его собственный.

– Ваши слова и впрямь звучат зловеще, – произнес Гиборд. – Диалог с совестью можно вести целую вечность...

– Если всякий раз пытаться оправдать себя перед ней, – сказал Император и выдержал паузу. Гости не дерзнули нарушить тишину, покорно ожидая, когда Его Величество изволит продолжить.

– То, что вы проделали такой далекий путь и потешили мое самолюбие – это приятно. Но вы приехали слишком поздно. Всем известно, что никто еще не научился воскрешать мертвцов – такое не под силу даже Богам. Мне ли тягаться с ними?

Вы оба разумные люди, способные мыслить широко, но даже вам не под силу объять истинные масштабы того, что произошло. И того, что происходит по сей день. Я не стану перечислять горести будущего, скажу лишь, что инерция еще не достигла зенита и недолг час, когда вам придется в этом убедиться.

Фераур – это мечта, которой оказалось не суждено стать реальностью. Кого в этом винить? Пожалуй, некого, ведь люди сами не захотели, чтобы она сбылась. Жизнь прозаична, в ней по-прежнему нет места поэзии. Пал Кхоридар, пораженный внешней средой, следом за ним пала Фераур, съеденная изнутри... Так будет, наверное, со всеми прекрасными замыслами в этом мире. Мире людей. Вероятно, даже Треония ждет подобный конец раньше или позже. Когда станет досягаема.

Регион похолодел. От слов Императора повеяло таким глубоким разочарованием, словно их произнес мертвец.

– Ваше Величество, неужели в вас не осталось и толики надежды? Неужели нет ни единого шанса на благополучный исход?

– Шанс есть, но за него придется заплатить такую цену, что я уверен, лично у вас язык не повернется в итоге назвать его благополучным. И даже если допустить, что в моем сердце теплится толика надежды, у меня попросту не хватит душевных сил на то, чтобы откликнуться на ее зов. Что скрывать, я буквально раздавлен в объятиях собственного детища, бьющегося в предсмертной агонии, ведь среди тех, кто организовал мятеж было не мало тех, кто стоял у истоков зарождения Фераур, знатные добропорядочные господа, искренне возмущенные несправедливостью и людоедскими законами, которые жаждали перемен и благодаря которым они произошли. Меня можно заподозрить в том, что я тронулся умом, и возможно так и есть, ибо тот, кого вы видите перед собой – это лишь бездушная оболочка, которая по недоразумению вынуждена бродить по земле стараниями тех, кого знатные добропорядочные господа называли негодьями, преследовали их, сажали за решетку, пытали и казнили. *Негодья* до сих пор оберегают мой сон, в то время как благородные мятежники разыскивают меня, чтобы лишить жизни.

Можно, конечно, легко все объяснить тем, что ими двигали сугубо корыстные соображения, но это не так, можете мне поверить. Впрочем, дело ваше. Как бы то ни было Империя Тэра Кловилен оказалась жизнеспособнее той, что создал я. Хотя и его детище трещит по швам и недолг тот день, когда оно уляжется в одну могилу с Фераур, ибо тень без тела, как известно, невозможна.

Но довольно лирики. В силу обстоятельств у меня нашлось достаточно времени для раздумий, и вот что я скажу: я не диктатор и не тиран, меня никогда не пьянила и не вдохновляла власть, скорее наоборот – тяготила. Потому что власть это прежде всего огромная ответственность. Но я искренне полагал, что это плата за мир и стабильность, я хотел, чтобы люди перестали испытывать недостаток в тепле и в хлебе, вкушать несправедливость и угнетение. Хотел, чтобы все были сыты и трудились во имя друг друга. Но оказалось, что утоление голода ведет

к пресытости. «Мы хотим свободы!» – кричали люди, убивая своих освободителей. «Верните привилегии!!!» – кричали знатные господа, убивая своих братьев, которые были верны своему слову и принципам до последнего вдоха. «Смерть деспоту!» – орали все вместе, когда поджигали мой дом.

А те, что поумнее, те, что *понимали* – стояли и взирали немо на происходящее. И, слава богу, что у них хватило ума хотя бы на это. Не вмешиваться. Ибо может случиться, не было бы сейчас ни первых, ни вторых, ни каких-либо других.

Я считал, что веду за собой людей, а оказалось, что все это время пас скот, который предпочитает знаниям и любознательности, рефлексии и безразличию. Но я не пастух. Если бы каждый хоть немного интересовался тем, что происходит в мире, а те, от кого зависит нечто большее собственной жизни, исполняли свои обязанности с должным вниманием, все закончилось бы, едва начавшись.

– А как же наши дети? – прошептал Гиборд, очень похожий в этот момент на самого обыкновенного старика, согбенного под тяжестью лет. – Какое будущее их ждет...

– Мне нет до этого дела, – ответил Император. – Дети вырастут, и будут жить алгоритмом предков. И их дети, и дети их детей. И чтобы мое мнение переменялось, должно произойти нечто из ряда вон выходящее.

– А как вы объяснили это собственным детям? Неужели они поняли вас?

Глаза Его Величества сверкнули ярко и зло. Гиборд съежился под этим взглядом. Как, впрочем, и Регион.

– Мой сын погиб вдали от дома где-то на юге. Моя дочь пропала без вести. Так что как видите, мне некому было что-то объяснять.

– О боже... – воскликнул Гиборд. – Я был уверен, что... Я этого не знал, клянусь честью!

– Я бы уже убил вас, если бы это было не так, – сказал Император, делая над собой нечеловеческое усилие, дабы взять себя в руки.

Гнетущая тишина повисла в воздухе, атмосфера накрыла голову и плечи как тяжелое бремя. Император терпеливо ожидал, пока гости переварят услышанное, а может он попросту отсутствовал мысленно все это время, блуждая сознанием в далих, ведомых ему одному.

– Полагаю, разговор на этом окончен, – сказал он, наконец. – Прощайте господа.

С этими словами он развернулся и пошел к выходу.

– Постойте, Ваше Величество! – крикнул ему вслед Регион. – Прошу вас, подождите!

Император обернулся.

– Прошу вас, дослушайте до конца то, что я хочу сказать!

Император ничего не ответил, но Регион нашел в его взгляде согласие. Во всяком случае, ему очень хотелось верить, что это и в самом деле так. И он рискнул озвучить мысль, торопливо, скомкано, как смог:

– Ваше Величество, все, что вы сказали правда. Но большинство людей о ней не знают, они живут в страхе под гнетом предателей и убийц, безжалостных эгоистов и златолюбцев, для которых нет ничего важнее насыщения, даже если в качестве пищи выступают человеческие сердца и души, а человеческие судьбы измеряются цифрами и статистикой. И вы безусловно правы, трусость и глупость не на последнем месте в списке причин происходящего, но, если вы вдруг передумаете или что-то изменится в вашей жизни, знайте – мы с вами. И мы пойдем до конца!

Я искренне верю в то, что Империю все еще можно спасти, но без вас мы не справимся! Умоляю вас, помогите нам, ведь понадобятся долгие века, прежде чем люди смогут вновь объединиться, чтобы сделать подобный шаг вперед. Большинство из нас не понимали этого, многие не понимают и поныне, но... Прозреют и они.

Император несколько секунд смотрел на него. Он ничего не сказал. Покинул Мраморную залу.

Глава 4

– У меня для вас важные новости, – сказал Тэр Кловилен без предисловий сразу как вошел.

– Гости уехали?

– Как только вышли от вас. Они выглядели так, словно мир рухнул!

– Вы правы, наверное, но не будем об этом. Расскажите лучше, что за новость привела вас ко мне. Насколько я знаю, вы не используете впустую разного рода эпитеты.

– Все верно, Ваше Величество, – сказал Тэр Кловилен и, немедля, приступил к изложению: – Вчера утром в Ривалро объявилось шесть персон. Все они остановились в гостинице «Диадема». Если вы не знали, эта гостиница принадлежит к сети гостиниц господина Ольеро, из чего следует, что она крайне благонадежная во всех отношениях. Ну и крайне дорогая, естественно. Так вот, сразу же после того, как были сняты три номера, один из приезжих господ покинул стены упомянутой гостиницы. Имя этого господина мне передали исключительно шепотом.

– И что же это за имя?

– Зорг.

Император вздрогнул.

– Интересно то, – продолжал Тэр, будто бы ничего такого не замечая, – что этот господин сейчас дергает за всякого рода ниточки, пытаюсь выяснить ваше местоположение. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться – в самом ближайшем будущем он будет здесь. Еще интереснее то, что он намеренно выставляет это напоказ.

– То есть?

– По моим соображениям, он дает вам время подготовиться к его прибытию. Дабы не свалиться, как снег на голову.

– И это еще не все, не так ли?

– Да, господин Лоон, это далеко не все.

Император еще более напомнил коршуна. Только в этот раз и с крыльями, и со здоровьем все в порядке. Глаза сверкнули так, что едва не проткнули Тэра насквозь.

Поправив воротник и взъерошив волосы, тот продолжил:

– Итак, вернемся к тем, кто остался в гостинице. Их пятеро: две девушки и трое... один из них не опознан, остальные двое, судя по описанию, князь и принц Кхоридарские – Арт и Глорэр. И если насчет мужской половины есть большие сомнения, то насчет женской...

Тэр прикусил губу и сказал:

– Ваше Величество, одна из девушек... ваша дочь!

Император едва усидел на месте. Захотелось встряхнуть Тэра за отвороты камзола, как следует. Учитывая неравную физическую форму, Тэр вряд ли после этого сохранил бы способность говорить. А может и дышать. Вместо этого Император приказал сию же минуту подать этирский глон. Его Величество заговорил громче обычного, ибо ничего не слышал и не видел, но несмотря ни на что, сохранил способность мыслить трезво.

Император медленно поднялся, встал подле окна.

Тэр Кловилен выпроводил слугу, принесшего глон, сам разлил по бокалам темную жидкость, поднес один из них Императору. Тот залпом выпил.

– Неужели это правда, Тэр? – спросил он. – Неужели там моя дочь?

– Да, повелитель, – сказал Тэр Кловилен так же тихо; стоило огромных усилий не отвести взгляд.

Усмирив мысленный вихрь, Император многозначительно глянул на собеседника.

– Я должен ехать Тэр, вы же понимаете?

– Вы сами прекрасно все знаете. Не мне объяснять вам какие последствия...

– Да, да. Да, я знаю. Я...

– Послушайте. Я уверен, что ваша дочь в безопасности. Иначе и быть не может. Тем не менее, в ту же секунду как получил известия, я отдал приказ взять гостиницу под охрану. На всякий случай.

– Вы не понимаете! – закричал Император и осекся. – Простите, Тэр, простите меня ради бога. Я веду себя как мальчишка, но ничего не могу с собой поделать. Вы вряд ли поймете меня, остается надеяться, что вы все же окажетесь в силах простить мне мою несдержанность и слабость.

– Вам незачем что-либо объяснять, Ваше Величество. Просто подождите немного, прошу вас.

– Спасибо Тэр, – сказал Император, возвращаясь в кресло.

Понять, о чем он думает в эти минуты совершенно невозможно, лицо непроницаемо, точно изнутри захлопнулись толстые герметичные створки. Лишь время от времени подливает глон и медленно пьет.

Тэр Кловилен уселся обратно в кресло под раскидистым декоративным деревом и задумался, время от времени бросая на Императора взгляды, точно заново изучая.

Его отношение к Императору можно назвать в равной степени сложным и однозначным. Этот человек заставил уважать себя с первого же взгляда. И чем дальше Тэр узнает Лоона, тем глубже проникается уважением. Как при прочтении гениального произведения – все на поверхности, все просто, но, читая вновь, непременно открываешь нечто новое и столь же очевидное, насколько и недостижимое при предыдущем прочтении. Этого человека невозможно не уважать, даже если он тебе лютый враг. К таковым до недавнего времени причислял себя сам Тэр.

Как бы теперь ни обернулись обстоятельства, а скорее всего они круто изменятся в ближайшем будущем, Тэр знал наверняка – за этого человека он сложит голову.

Глава 5

Регион остановил выбор на гостинице «Диадема». Во-первых, хозяин гостиницы, господин Ольеро является его другом, с которым они давно не виделись и имелся шанс, хоть и весьма ничтожный, повидаться. Во-вторых, в том случае, когда выбор имеет место, предпочтения Региона непременно склоняются в пользу комфорта, а «Диадема» во все времена отвечала самым требовательным запросам. И надежность в этом списке не на последнем месте.

Впрочем, ни шикарная обстановка, ни дорогая выпивка никак не повлияли на их настроение. Мир рухнул! Мир давно рушился, но была жива надежда: все непременно вернется на круги своя. Особенно яркой и жизнеспособной она стала, когда один из соратников принес невероятную новость, что Император жив. В это слабо верилось, но это было то самое, во что верить очень хотелось. Более того, через какое-то время информация подтвердилась, хотя это и стоило невероятных усилий и баснословных сумм. И что самое главное – предельной осторожности. Прошло немало времени, проведенного в напряжении и беспокойстве, они продумывали, анализировали, прогнозировали, столько чаяний! Но, как водится, реальность разбила все вдребезги.

В гостиной роскошного двухместного номера они погрузились в раздумья. Как жить дальше? Лютый, точно призрак, невидимый и неслышный, замер у окна.

Стук в дверь заставил Гиборда вздрогнуть, в то время как Регион, кажется, ничего не услышал. Лютый в один миг очутился возле выхода, прислушался... Как только ключ сделал два оборота, дверь распахнулась во всю ширину, и Лютый покатился кубарем по ковру, сшибая мебель. Регион и Гиборд вскочили, извлекая оружие и не сводя глаз с рослого солдата в красно-черном мундире, в сапогах для верховой езды и с мечом в левой руке.

– Именем Конгломерата, приказываю оставаться на местах! В противном случае я буду вынужден принять меры.

Они переглянулись, читая в глазах, как в открытой книге: – Приказываю? Вздор!

– Послушай меня, смельчак, – сказал Гиборд, сдвинув брови. – Я готов взять во внимание неразбериху, возникшую в стране, и сделать вид, что ничего не произошло. Ты знаешь кто я?

– Знаю. Но у меня приказ! Немедленно сдайте оружие!

Солдат сделал шаг навстречу, поигрывая клинком, как вдруг вскинул подбородок и обхватил рукой горло, из которого торчит черный туго перетянутый жгут – рукоятка метательного ножа. Сквозь пальцы за шиворот устремился красный ломаный ручеек. Оружие выскользнуло из ладони, колени подкосились, и он упал.

Регион перешагнул через агонизирующее тело, чтобы выглянуть наружу. Красно-черные мундиры наводнили почти всю левую часть коридора. Региона заметили, но прежде чем шагнуть обратно, он успел увидеть, как позади бегущих толпа отпрянула, уклоняясь от тела, вылетевшего из номера в обнимку со стулом. Затылок встретился со стеной с таким звуком, будто лопнул арбуз. Регион шагнул обратно. Он запер дверь и, яростно жестикулируя, принялся возводить баррикаду. Гиборд бросился помогать. Когда с этим покончили, он, игнорируя шум из-за двери, присел на корточки, чтобы изучить труп. Регион присоединился к нему.

– Судя по всему, этот человек из местной внутригородской охраны, – сказал он.

– Безусловно, – подтвердил Гиборд. – Как вы думаете, что им от нужно нас?

– Полагаю, дело не в нас. Очень похоже на то, что они пытаются достать кого-то из номера... тридцать четвертого, если не ошибаюсь. Они контролируют весь этаж и, надо думать, всю гостиницу. Ты как? В порядке?

Вместо ответа Лютый продемонстрировал одежду, располозованную на груди; его спас легкий панцирь, прикрывающий живот и позвоночник. Ультрамарин в глазах потемнел, верхняя губа приподнялась, обнажая зубы. Инфантильность как ветром сдуло.

«Да, раззадорили тебя приятель...» – подумал Регион, а вслух поинтересовался у Гиборда:

– Что вы намерены предпринять?

– Сколько их, вы успели сосчитать? – спросил тот, с видом мрачного возбуждения.

– Могу сказать лишь примерно – около дюжины из тех, что были еще живы, когда я осматривался.

– Ну, это не так уж много...

– Вы намерены вмешаться? – спросил Регион, отметив, насколько Гиборд преобразился: перед ним вновь могучий седовласый воин, боевой генерал, каковым он всегда восхищался.

– Непременно. Происходит нечто выходящее за рамки приличия, вы не находите? Полагая, нам не пристало отсиживаться здесь.

– К тому же нам не оставили сомнения в приоритетах, – сказал Регион с кислой миной.

Они расчистили выход, и Регион рванул дверь.

– Без глупостей, господа, – раздался неуверенный голос из коридора. – Оставайтесь на месте...

– Сынок, сложи оружие, и входи, – потребовал Гиборд. – И следом твой товарищ.

– Кто вы такие?

– Под моим знаменем ходил малыш Фрекарт, и он очень гордится этим...

– Ун Фрекарт... – казалось говоривший подавился.

– Но у нас приказ... – раздался другой голос. – Нам приказано убивать на месте всякого, кто попытается оказать...

– Замолчи! – зашипел на него первый. – Больше ни слова!

Несколько секунд ничего не происходило, но, в конце концов, в номере появились оба солдата с вытянутыми серыми лицами. Они побросали оружие у входа.

– Смутные времена, ваше сиятельство... – сказал один из них взволновано. Он нервно сглотнул, глядя на труп.

– Это наша общая беда, – сказал Гиборд глядя на него с мрачным выражением. Проходя мимо генерал похлопал солдата по плечу ободряюще. – Не думаю, что вам придется пожалеть о своем поступке.

Лютый задержался и, смерив солдат недобрым взглядом, выскользнул в коридор.

Подле злосчастного номера «мундиров» явно прибавилось, как живых, так и мертвых.

– Мое имя Бисмун Гиборд! – раздался громогласный голос генерала. – Сложите оружие и доложите обстановку! Проявите благоразумие, никто не должен пострадать...

– Арестовать! – рявкнул старший «мундир» и несколько солдат бросились выполнять приказ. Лютый двинулся на встречу, поигрывая клинком. Никто не произнес ни слова, ни один не отступил. Меч лавирует со скоростью разъяренной гадюки, Лютый расправляется с «мундирами» с такой легкостью, словно перед ним переодетые горожане. Гиборд хмуро наблюдает за происходящим, в глубине души испытывая признательность за то, что не приходится брать грех на душу за жизни простых солдат.

Регион прикрывает тыл, и весьма кстати; с лестничного пролета выскочило несколько солдат и один из них без предисловий бросился в бой, будто перед ним заклятый враг. Регион сначала сдерживал напор, пятился, выставив перед собой клинок и просчитывая возможности атакующего, затем резко снял защиту и грациозно уклонившись от мощного, но бесхитростного пируэта, полосонул врага под колени. Следующий действовал более осмотрительно, удалось даже зацепить предплечье. Правда ему это стоило жизни.

Между тем Лютый полностью избавил коридор от неприятеля и бой переместился в гостиную номера с золотыми цифрами «34», блистающими на темно-красной поверхности двери. Гиборду все же пришлось пожертвовать душевным равновесием, меч обагрился. Враги, угодив в тиски, сникли и предпочли сдаться.

Когда Регион, зажимая рану, вошел в номер, взору предстала любопытная картина: Гиборд застыл посреди гостиной, заваленной трупами, с явным замешательством разглядывая окровавленного великана. Регион открыл рот от изумления. Вальторм! К тому же сам...

– Ваше Высочество? Вы ли это?! Весьма неожиданно встретить вас здесь.

Настала очередь удивляться великану.

– Кто вы такие? – раздался глухой бас.

– Уверяю вас, Ваше Высочество, мы враги ваших врагов, – быстро нашелся Гиборд. – И мы рады служить вам. Это великая честь!

– Тогда помогите найти моих друзей. Солдаты увели двух девушек, а нас попытались убить. Пока они ломались сюда Кирилл и Ологен, двое парней, выпрыгнули в окно, чтобы перекрыть выход.

Регион, хрустя подошвами по битому стеклу, подошел к упомянутому окну.

– Довольно высоко... О, я вижу дерущихся! Господа, да там целая бойня! И...

– И что?! Что вы там увидели? – спросил Гиборд нетерпеливо.

– Вы не поверите, клянусь вам! Там принц Кхоридарский и... О боже!!!

– Что? Что там еще???

– Там п...п...п...

Регион определенно заикнулся на этой букве.

– Призрак? Вы увидели призрака Регион?

– Именно! Призрак принцессы Стионы... – выдохнул он, переводя на Гиборда взгляд, растерянный до крайности. Того и вовсе, будто веслом огрели по голове.

– Какой сегодня странный день, – пробормотал он. – Я не перестаю удивляться.

– Необходимо поторопиться! – сказал Регион, охваченный возбуждением. – Принцесса, судя по всему, под надежной защитой, но их яростно атакуют. Мы можем не успеть!

– Думаю все же, повторять подвиг упомянутых господ не стоит, это крайне рискованно, – заметил Гиборд, выглянув в окно. – Предлагаю до места действия добраться традиционным способом – воспользуемся лестницей.

Вальторм позаимствовал меч у одного из трупов, наспех вытерев клинок о его одежду.

– Не знаю кто вы такие, хоть назовите свои имена, – прогудел он, будучи уже возле выхода. После того как они представились, Вальторм сказал:

– Называйте меня Ярослав.

Глава 6

Преодолев несколько лестничных пролетов, при этом снеся кого-то плечом, Ярослав первым выбежал в холл и кинулся в самую гущу красно-черных мундиров. Солдаты расступились подобно водам перед пророком и десятки глаз уставились на ожившую легенду. Лишь малая толика попыталась создать заградительный отряд перед самым выходом. С тем же успехом они могли наложить на себя руки. Вальгорм проложил дорогу, как каменная глыба сквозь травы.

На улице создалось впечатление, будто все дерутся со всеми. Основная часть горожан разбежалась, кто куда, побросав вещи на тротуаре. Те, что посмелее или же чрезвычайно любопытные столпились с разных сторон, наблюдая издали за невероятными событиями. Тихая престижная улица посреди белого дня превратилась в поле брани – металлический лязг, злые выкрики, возня, стоны, кровь.

Регион растерялся. Ярослав, не сбавляя темпа, рванул напролом, рубя каждого, кто попался под руку без всяких там правил и изящества. Гиборду тоже не понадобилось время на раздумья, он в один миг оценил обстановку и включился в схватку, действуя, правда более осмотрительно и осторожно. Регион и Лютый взяли на себя роль арьергарда.

Численный перевес явно на стороне «мундиров», при том, что их подготовка много хуже тех, против кого они выступают – людей в темной одежде без опознавательных знаков. Ярослав заметил Ологена, тот лавирует между деревьями, управляясь одновременно с четырьмя бойцами. Этот справится, – подумал он, и покрутил головой в поисках остальных.

– Ну и куда же вы все подевались... – пробормотал Ярослав с растущим беспокойством.

Лицо его прояснилось, он заметил друга – Кирилл отбивается от двух солдат, крупных как молодые бычки и вертких, как крысы. «Мундиры» действуют слаженно, не дают перевести дух, при этом строго выдерживают дистанцию, успев оценить невероятную остроту Эльрона. Кирилл наконец выдохся, открылся, и один из солдат, мордатый с приплюснутым носом, рубанул с размаху, уверенный, что снесет ему голову. Кирилл бросился набок, сильно отбив плечо о брусчатку, пальцы разжались, выпуская эфес, однако меч врага просвистел мимо. Второй, лупоглазый не дал ему опомниться, пнул в лицо. Мордатый добавил тяжелым сапогом под ребра, и подобрал Эльрон, в ту же секунду утратив интерес ко всему... Ну надо же, почти невесомый. И ни одного изъяна на зеркале.

Кирилл начал подниматься. Лупоглазый бесцеремонно придавил его ногой к брусчатке, направляя острие меча в шею. Ярослав сжал в бессилии кулаки, проклиная себя за то, что не умеет летать. Неужели все...

Но оказалось, не все. И то, что он увидел дальше прочно засело в голове.

Кирилл схватился руками за лезвие, пытаясь отвести в сторону. Солдат осклабился, – как же приятно, когда жертва совершает отчаянные глупости, чтобы спастись. Он надавил на рукоять, наблюдая как кровь потекла по запястью, и в этот момент их взгляды встретились. В зрачках Кирилла плеснулся ужас, но ухмылка начала сползать с лица лупоглазого. Он вдруг четко осознал, что заглянул в глаза собственной смерти.

Едва ли понимая, что это значит, он попятился, чувствуя нарастающую пульсацию и тяжелый угнетающий жар, пронизывающий его насквозь. «Мундир» дернул рукой в попытке отбросить меч, словно тот его ужалил, но пальцы стиснули эфес еще сильнее, слипаясь между собой как растаявшие конфеты. Он упал на колени, обхватив запястье, напоминая угодливое в капкан животное. Кисть почернела и сохлась. Лицо и шея свекольно-красные блестят от пота, жилы натянулись. Лупоглазый захрапел, падая Кириллу в ноги. Ярослав был готов поклясться, что в воздухе расплылся отвратительный запах горелого мяса.

Кирилл без сил растянулся на камнях, прижимая к груди окровавленную ладонь. Он смотрит в небо с благодарностью. Его будто вывернули наизнанку, но все закончилось. Он смог

остановить *ЭТО*... Хотя воздух пощелкивает, словно что-то жарится на огромной невидимой сковородке. Вокруг него образовалось пустое пространство несмотря на то, что бой не затухал ни на секунду.

Мордатый очнулся, покрутил шеей, чувствуя невероятную слабость и головокружение. Кожа горит, словно он перегрелся на солнце. Солдат потер лоб, пытаясь сообразить, как бы ему побыстрее переместиться в безопасное место. Нужно хоть немного остыть, но сил едва хватает, чтобы просто не упасть. Пока он мешкал Ярослав оказался тут как тут и, схватив его за волосы, ударил лбом в переносицу. Мордатый сделал шаг назад прежде чем рухнуть на брусчатку. Ярослав шагнул следом, намереваясь забрать меч, и едва не пропустил укол в печень. Удалой усатый вояка, похожий на гусара, перегруппировался для нового выпада, но Ярослав и в этот раз оказался шустрее. Левая кисть вращательным движением направила клинок вверх от паха, «гусар» заверещал по-бабьи, завыл, заухал. Ярослав уперся в него ногой, с трудом выдернув меч, застрявший в тазобедренном суставе. Затем метнулся к мордату и буквально вырвал у него Эльрон.

Направляясь к Кириллу, он ощутил, как внутри шевельнулся страх.

– Как ты? – спросил он, протягивая ладонь. Что-то задергалось в животе, скручивая тугие узлы. В горле пересохло... Но он смог не подать вида, помог ему подняться и вернул меч.

– Все в порядке, – ответил Кирилл. В этот момент к ним присоединились Регион и Лютый. Ярослав быстро представил их и положил ладонь другу на плечо.

– Стой здесь, никуда не уходи. Присмотрите за ним.

После этих слов он рванул на помощь Ологену, разоружив кого-то по дороге. Табольш начал сдавать, убитых сменяют живые, не оставляя времени на передышку. Дышит тяжело, мокрый, злой, как тысяча демонов.

– Эй ты! – крикнул Ярослав в спину «красно-черному», пытающемуся достать Ологена. Ну не поднимается рука ударить исподтишка! Солдат развернулся с широким замахом, когда чей-то клинок обрушился через ключицу вниз, ломая ребра. Ярослав глянул на Лютого с признательностью.

Напряженно наблюдая за ними, Кирилл краем глаза уловил движение справа и развернулся.

– Это свои, – сказал Регион.

– Бисмун Гиборд, Ваше Высочество, – представился седовласый воин, и почтительно поклонился. – Рад служить вам.

– Спасибо... – ответил Кирилл, смущенный до глубины души. Генерал раздобыл лоскут ткани и умело перебинтовал ему ладонь. Между тем он увидел тяжело ступающего Ологена.

Табольш шагнул в круг.

– Кто это его так? – спросил он, глядя на скрюченное тело. Остальные посмотрели туда же, но тут вернулся Ярослав.

– Где девчонки? – спросил он, перешагивая через тело солдата с неестественной улыбкой во всю ширину лица; лезвие пришлось в аккурат между челюстей.

– Их взяли в кольцо и отгеснили к тому зданию, – ответил Кирилл. – Вон то, розовое, видишь? Один из этих парней, которые почему-то за нас... Короче он сказал, чтобы мы тоже туда подтягивались. У них приказ доставить всех нас куда-то там... Девчонок они погрузили в карету, которую охраняют, будто она набита драгоценностями. Многие погибли, защищая ее.

Ярослав не успел ответить, Лютый толкнул его, парируя подлый выпад; металл заскрежетал об металл, кисть выгнулась, и его клинок, выскочив из замка, полосонул врага между шеей и плечом.

Совместными усилиями маленький отряд прорвался к указанному зданию. У ажурного заборчика полтора десятка «мундиров» упрямо пытаются пробиться к карете. У них на пути насмерть встали пятеро молодых парней в темных одеждах.

– Мы с князем и табольгом возьмем этих на себя, – сказал Гиборд, указывая на солдат. – Вы, принц, и вы, Регион, берите управление каретой в свои руки и постарайтесь отъехать как можно дальше отсюда. Двигайтесь в ту сторону, откуда мы сегодня прибыли, Регион. Мы присоединимся к вам чуть позже.

Лютый лихо вскочил на козлы. Карета развернулась, сбив с ног и раздавив колесами «красно-черного». Стараясь не обращать внимания на душераздирающие вопли, Кирилл убедился, что с девушками все в порядке, после чего вместе с Регионом занял место багажа позади экипажа. Один из защитников что-то сказал товарищам, и, запрыгнув на ходу, уселся рядом с Лютым. Четверка вороных, быстро набирая скорость, понеслась вон из города, подгоняемая гиканьем и хлыстом.

Они благополучно миновали городские улицы, пригород остался далеко позади. До полосы леса оставалось не более двух реонов, когда почти у самой опушки дорогу справа налево перечертила вражеская кавалькада. Человек двадцать пять, не меньше. Карета остановилась. Позади из-за пригорка донесся конский топот и вскоре друзья увидели Гиборда, Ярослава и Ологена в окружении дюжины всадников.

– У нас на хвосте около полусотни врагов, – крикнул Гиборд, спрыгивая с лошади. – Они будут здесь с минуты на минуту.

– Добро пожаловать в ловушку, – сказал Регион. – А это, я так понимаю, люди Тэра?

Гиборд сдвинул брови и ответил, как будто через силу:

– Должен признать, они отлично знают свое дело.

– Толковые ребята, – подтвердил Ологен. – Без вашей помощи у нас не было бы ни единого шанса.

– Так, ладно, какие у нас есть варианты? – спросил Ярослав. – Кто-то хочет что-то предложить?

– Надо прорываться через заслон, – сказал Ологен. – Это единственный шанс...

– На самоубийство! – перебил его Гиборд. – Цель этих бандитов – принцесса, значит, остальных они пустят в расход. Нас слишком мало, если мы станем прорываться, нас попросту нашьпигуют стрелами. К тому же с минуты на минуту мы окажемся между молотом и наковальней. Наковальня уже готова, молот на подступах и деться нам здесь некуда. Но я был и в более невыгодной ситуации, и нам удалось тогда выжить. Правда, всего троим, но...

– Плохой результат тоже результат... – подбодрил его Регион. – Продолжайте.

– Я настаиваю на необходимости держать оборону. Это единственный шанс на успех.

– Это верная гибель, – сказал мрачно один из защитников принцессы. Молодой совсем, лет девятнадцати. – Я солидарен с табольгом, необходимо прорываться!

– Напротив! – возразил другой защитник, кажется еще младше, но с лицом куда более угрюмым. – От нас меньше всего ожидают, что мы станем обороняться. Это может сработать!

– Давайте перевернем карету, – сказал кто-то еще. – Она прикроет нам спины от лучников, а тех, что на подступах встретим мечом.

– Оставьте карету в покое, – раздался голос, заставивший всех обернуться. – План в целом не дурен, правда тех, кто останется жив после его воплощения, можно будет пересчитать по пальцам. Но я вижу, моя дочь пребывает в обществе достойных мужчин!

– Зорг?! – выпалил Ярослав изумленно и в его глазах вспыхнули веселые искры. – Как ты узнал, что мы здесь?

– Такая шумиха кругом, – ответил Зорг, игнорируя множественные взгляды, либо крайне встревоженные, либо откровенно испуганные. Гиборд и Регион не стали исключением: кажется, оба вот-вот рухнут в обморок. Только Лютый смотрит с любопытством.

Зорг подошел к экипажу, потянул дверцу.

– Выше нос, дорогие мои, скоро все кончится, – пообещал он пассажирам кареты. И обратился к защитникам: – Седлайте коней, продолжим путь.

Он вскочил на первую попавшуюся лошадь, тронул поводья. Никто не заставил себя упрашивать. Кирилл пришпорил скакуна, чтобы поскорее поравняться с Зоргом.

– Тебе удалось? Ты видел Императора?

– Видел. Но имей терпение, друг мой.

Когда они достигли заградительного отряда, стало не по себе от нелепости происходящего: одни бросились врассыпную, другие стоят по краям дороги, с ужасом глядя перед собой будто их вот-вот накроет волной цунами, от которой невозможно укрыться. Руки напоминают плети, оружие лежит на земле.

Спустя четверть часа на изгибе лесной дороги беглецы столкнулись с полутора сотенным конным отрядом. Лица воинов суровые, обветренные, у многих уродливые шрамы и увечья. Во главе худошавый длиннорукий мужчина; на фоне остальных кажется лощеным, но острота взгляда и сдержанные манеры наводят на мысль, что под слащавой внешностью кроется прочный сплав и пронизательный ум.

Убедившись в том, что это свои, он представился:

– Приветствую вас, господа, меня зовут Мальтон. Император пребывает в большой тревоге, поэтому наш отряд выслали вам в помощь. Судя по тому, как вы выглядите, вижу, что не зря. Хотя и очевидно, что мы непростительно запаздываем. У Его Величества невероятная интуиция. Что произошло?

Человек по имени Дорф, тот самый, что сел возле Лютого, рассказал ему обо всем в двух словах. Глаза Мальтона потемнели.

– Здесь вам ничто не угрожает, – сказал он и отдал приказ. Двое всадников тут же отделились от строя, бросились опростетью с докладом к Императору.

Пропустив беглецов, грозный отряд помчался в Ривалро на расправу с дерзкими налетчиками.

Передвигались не быстро, оттого в ворота замка въехали глубокой ночью. Несмотря на жгучий холод, во дворе, освещаемом причудливым светом золотистых шаров, вделанных в стены, стоит Император в окружении приближенных; от волнения ярко блестят глаза, ветер перебирает волосы, поза выдает сильное напряжение.

Карета остановилась. Зорг, с юношеской легкостью спрыгнув с лошади, открыл дверцу, и темноволосая барышня в шубе до пят, опираясь об его руку, сошла на землю. Она накинула капюшон поверх кудрей и подошла к Ярославу. Следом показалась еще одна девушка в светлом полушубке, зеленоглазая с волосами цвета платины. Зорг подвел ее к Императору.

Все замерли. Кажется, сама природа затаила дыхание, наблюдая за сценой, развернувшейся во дворе древнего замка.

Глаза принцессы смотрят открыто, хоть и очевидно, что ей неуютно. Император напоминает статую, посредством которой неведомый художник выразил образ величайшего недоумения: он взирает на девушку с выражением, будто впервые видит. Но вот в глазах сверкнули слезы, Император будто опомнился, бросился к принцессе. Ее ладони оказались у него в руках, он приблизил их к губам и прошептал:

– Ты не представляешь, как я счастлив вновь видеть тебя... Кристина.

Глава 7

Уже под утро, когда все спали, Император и Маг устроились в зимнем саду с тем, чтобы продолжить шепетильный разговор, начатый чуть более суток назад. Зорг расположился в кресле с бокалом вина и, кажется, мысли сосредоточил исключительно на букете напитка. Его Величество Лоон сидит напротив с задумчивым видом. В нем происходит борьба.

– Послушай, Зорг, это конечно Стиона, меня невозможно обмануть. Это так же очевидно, как то, что солнце просыпается на востоке. В то же время эта девушка абсолютно незнакомый человек, я понял это в первую же секунду. Я не узнаю собственную дочь! Как это может быть?

– Что ж, мне это знакомо, – сказал Зорг самым серьезным тоном, и улыбка озарила лицо.

– Это правда? – Из груди Императора вырвался тяжкий вздох. – Должно быть, это и в самом деле непростая ситуация. Неужели и ты в замешательстве?

– Некоторые вещи мне непонятны, – признался Зорг. – Но в общих чертах я могу объяснить произошедшее. Ты слышал когда-нибудь о формуле Стерреора?

– Если ты имеешь в виду то, о чем говорил Дродэрн в роковую минуту... Тогда я мало, что понял. Я вообще мало сведущ в подобных делах.

– Достаточно того, что ты помнишь об этом моменте. Тебе известно, кто такие Свядоолы?

– Призраки? – спросил Лоон и его растерянность сменилась беспокойством.

– Призраки.

Тревожное чувство обострилось многократно.

– Так их называют, хотя это не соответствует действительности. Свядоолы – это ментальные создания, существа иного порядка, с которыми Дродэрн, кстати, благополучно взаимодействовал еще не будучи Великим.

Накануне поединка с Гоцефалом, у Дродэрна состоялся серьезный разговор с сыновьями. Разговор закончился на позитивной ноте, однако Белый Король заподозрил, что дело нечисто, кто-то явно подсыпал дров в костер сомнений, кто-то опытный и могущественный. По этой причине он отправил Свядоолов присматривать за князем и принцем, чтобы позже с этим разобраться. Как ты знаешь, позже не случилось.

Тебе так же известно, что после его гибели Лиор наложил на Арта и Глорэра печать. Немаловажно заметить, от всех известных формул, формула Стерреора отличается не только невероятной мощью, но и... эмм... эдакой самостоятельностью, назовем это так. Посредством нее, например, невозможно нанести ущерб объекту, если к этому нет подходящих предпосылок.

– Оснований?

– Именно.

– То есть, она это сама определяет?

– Она так устроена. Формула Стерреора имеет тесную взаимосвязь с полем больших чисел, поэтому прежде чем оказать воздействие, проходит взвешивание всех точек конфликта от имени объективной реальности с вовлечением всех производных.

Видишь ли, любая формула формирует определенное количество энергии, чтобы, достигнув пункта назначения, высвободить ее и тем или иным образом воздействовать на объект. В зависимости от того, какой мотив у инициатора, ну, скажем, к примеру, пусть это будет формула разрушения. При удачном развитии событий энергия благополучно высвобождается и начинается Воздействие. И в момент, когда инерция достигает пика, происходит откат. Впрочем, откат происходит всегда, только имеет различную силу, в зависимости от всевозможных факторов и обстоятельств.

– Жуть какая... – сказал Лоон. – Топор в руке палача определяет случится ли акт возмездия или нет. Как такое вообще возможно?

Глаза мага повеселели.

– Это неверное сравнение. Формула Стерреора – это механизм стабилизации, способный самостоятельно совершить расстановку вовлечённых объектов с опорой на объективность. Видишь ли, Дродэрн угодил в ловушку собственного представления о мире. Он понимал, что происходит нечто, чего он не в состоянии постичь и чему не в силах воспрепятствовать. Он не был магом, он был волшебником, лишившимся своих способностей с уходом Саадара, то есть в определенный момент он предстал лицом к лицу с силами, многократно превышающими его собственные возможности.

– Как если бы воин в разгар схватки согнулся под тяжестью собственного меча?

– Именно так. Но как сыновья ни упрашивали отца спастись бегством, он предпочел встретить надвигающуюся катастрофу лицом к лицу. В итоге Белый Король столкнулся с тем, чего не мог предвидеть и не смог предотвратить. И сыновей не оказалось рядом, чтобы его спасти, Гоцефал их благополучно устранил. Или же кто-то, кто использует Гоцефала как перчатку. Однако, даже в сложившейся ситуации Дродэрн сделал невозможное. Я думаю, что в битве с чародеем, он понял, что ни Арт, ни Глорэр, ни поодиночке, ни вместе, не смогут противостоять Гоцефалу. Поэтому он упрятал их так далеко, что найти их не смог бы никто и никогда.

Более того, благодаря тому, что Формула Стерреора не имеет отката, Лиор по сей день продолжает спать спокойно.

Зорг принял задумчивый вид.

– Что ж, высвобожденная мощь сыграла фантастичную шутку, очень похоже на то, что Арт и Глорэр совершили путешествие не только в пространстве, но и во времени. Насколько мне известно, такое возможно только при условии выхода из реальности. А Свядоолы отправились вслед за ними. Будучи бесплотными, но реальными объектами, они не могут сами по себе совершать такие прогулки, ибо так же, как материальные объекты, привязаны к реальности и соответственно ко времени. Поэтому для того, чтобы отправиться вслед за принцами, им понадобились... наши дочери.

– Ты будто нарочно путаешь меня все более! Призраки привязаны ко времени, так же, как и материальные объекты, но... разве Глорэр и Арт не являлись таковыми? Как это может быть?

– Ты уверен, что действительно хочешь разъяснений относительно устройства Пространства и Времени и Теории Бытия?

– Достаточно чтобы ты в двух трех словах внес ясность в некоторые моменты.

– Свядоолы не имеют возможности перемещаться во времени самостоятельно и в этом соль. Арт и Глорэр имеют, но не как таковые, а только одна из тончайших частей – душа, которая находится вне реальности и соответственно вне времени. Братья совершили переход, материальное, астральное, ментальное и прочая шелуха при этом отвалилась. Свядоолы столкнулись с серьезным препятствием, но, судя по всему, они нашли выход. Именно поэтому, для того чтобы отправиться вслед за Артом и Глорэром призракам понадобились Стиона и Дэль.

– Почему именно они?

Зорг усмехнулся.

– Кто бы ни оказался на их месте, этот вопрос все равно возник бы. Он не имеет смысла. Какая разница, почему именно они?

– Я так не думаю, – сказал Император, дыша все тяжелее. Очень похоже, что Его Величество пребывает на грани инфаркта. – Какого дьявола этим... призракам понадобилась именно моя дочь? Неужели у тебя нет никакого мнения? Хотя бы предположений?

– Если ты согласен выслушать плод моего воображения, то я готов его озвучить.

– Пусть будет плод, Зорг, хоть что-то, иначе я рискую сойти с ума!

– Ну, хорошо. Хотя я искренне не понимаю, как могут воспрепятствовать этому процессу мои домыслы.

Каждый материальный одушевленный объект имеет ментальную связь с себе подобными. И не только. Но не важно. Назовем эту связь струнами. Два индивидуума могут жить бок о бок и абсолютно не взаимодействовать друг с другом. В то же время кто-то из них может иметь тесную связь с кем-то, кто находится на другом конце города, страны, планеты или даже Вселенной. На том или ином отрезке времени это проявится. Это понятно?

Император кивнул.

Зорг тоже кивнул.

– Это были факты. Домыслы заключаются в том, что Свядоолы способны увидеть эти струны и, скажем, *сыграть* на них. И в том, что струны между Глорэром и Стионой, Артом и Дэлью оказались непосредственными. Что и надоумило или заставило Свядоолов, обремененных задачами, дернуть за эти струны и прибегнуть к помощи наших дочерей. Без их ведома, разумеется. Хотя, не исключено, что...

– Что? – почти крикнул Император.

Зорг вздохнул.

– Ничего. Дай мне время, и как только я во всем разберусь, обещаю, ты сразу обо всем узнаешь.

Я редко даю советы, но сегодня, похоже, тот самый случай, когда без этого не обойтись. Твоя дочь вернулась! Подумай об этом как следует.

Глава 8

Император не смыкает глаз третьи сутки. Думает...

Вернулась дочь, появился смысл продолжать жизнь. Только вот как жить? Где? До недавнего времени он собирался переехать в Треония, но все оттягивал момент, благо Тэр не торопил его. И вот оказалось не зря.

И что теперь? Провести остаток дней вдали от людей? Или может переехать в Дорон? Вряд ли его там оставят в покое, для одних он представляет надежду, Гиборд и Регион не первые, и не последние, для иных угрозу. Даже если он во всеуслышание официально отречется от трона и даст слово ни под каким видом не вмешиваться в политику, он все равно останется потенциальной угрозой для тех, кто по тем или иным соображениям записал его во враги. И Стиону это касается непосредственно.

Подавляющая часть жителей Фераур ждет возвращения Императора, который фактически по сей день является единственной легитимной властью страны. Из этого много что вытекает, но главное то, что Стиона – престолонаследница. Это значит, что ничего не предпринимать опасно. Раньше или позже их попытаются убить, и кто знает, сколько еще Тэр Кловилен будет нянчиться с ними. Да и хватит ли ему ресурсов на охрану, когда за них возьмутся все-речь? Вряд ли. Что он сможет противопоставить армии?

Можно, конечно, вернуться на родину, собрать под свои знамена всех, кто этого хочет, да и жить, как в прежние времена жили предки, развлекаясь в междоусобных войнах, придворных интригах и внутривполитических разборках. Быть может однажды даже удастся научиться не обращать внимание на то, что по соседству такие же люди вынуждены бороться за выживание, в то время как кто-то сходит с ума от скуки.

Помимо прочего имеется проблема, решить которую не представляется возможным. Даже Зорг бессилён в этом вопросе, а уж о нем-то Лоон наслышан. Черный Маг, Адепт Тьмы, бесстрастный и непостижимый созерцатель, обладающий неограниченными возможностями, но по какой-то одному ему известной причине, ведущий тихий отшельнический образ жизни. Наверное, хозяин Багрон единственный, кто способен вызвать в Императоре чувство, подобное прикосновению ледяного облака. До нынешней встречи эта личность была для него чем-то легендарным, недостижимым, окруженным непроницаемым ореолом таинственности, как Сожесдалль или сам Цемиرونул.

И вот он здесь.

И он тоже не знает, как вернуть дочери память. Возможно ли это?

Похоже, придется согласиться с Зоргом и закрыть эту тему. Он действительно ничего не смыслит в Высших Материях. Зорг прав, накопились дела, которые просят безотлагательного вмешательства Императора, хочет он того или нет. И он действительно много в них понимает.

Император вздохнул. Перед мысленным взором потянулись кровавые ручьи. Надо ли все это начинать? Раскачивать смертоносный маятник, что унесет огромное количество жизней?

Скоты!

Император покрутил эту мысль так и эдак...

Скоты?

Да нет, все-таки люди. Глупые люди. Которые будут гнуть спины и умирать с надеждой, что кто-то однажды наладит их жизнь.

Виноваты ли они в этом?

Нет.

Поумнеют ли они хоть когда-нибудь?

Наверное... Необходимо больше времени.

Им нужно помочь?

Да. Они в этом нуждаются...

– Добрый день, Тэр. Зная вашу проницательность, не берусь гадать, понимаете ли вы, зачем я позвал вас и о чем пойдет речь, или же прибываете в полном неведении, но полагаю, что сейчас самое время прояснить один крайне деликатный вопрос.

– Я к вашим услугам, Ваше Величество, – ответил Тэр Кловилен.

– Прежде чем задать вопрос, хочу попросить вас вот о чем – я буду говорить с вами прямо, и прошу ответить мне тем же. Даже если откровенность будет граничить с наглостью. Мы договорились?

– Безусловно.

– Итак, в ближайшем будущем ожидаются большие события. Я не обладаю даром предвидения, поэтому не могу сказать с уверенностью, как все закончится, но существует вероятность, что благополучно. В известном смысле. И вот, что за вопрос у меня к вам: как вы, в случае положительного исхода видите наши отношения? Естественно, я имею в виду отношения лично мои и лично ваши.

– Я предполагал, что такой разговор будет иметь место раньше или позже, но сегодня, скажу прямо, вы застали меня врасплох, – сказал Тэр и скрестил ладони. – Должен признаться, меня всегда интересовал этот вопрос, хотя в моей голове он сформулирован несколько иначе: Как вы поступите со мной в том случае, если миру повезет вернуться на круги своя?

Но раз вы пошли белыми...

Тэр хотел подняться, но передумал.

– В случае благополучного исхода я готов выйти из тени и вести добропорядочный образ жизни. А до тех пор, пока это не случилось, я намерен всячески помогать вам в достижении цели.

– Это все?

– Да, это все.

– То есть иначе говоря вы хотите получить... возможность позаботиться о Дарладе на официальных условиях. Я правильно понимаю?

– Можно сказать и так...

– И какой же вы хотите титул?

– Это не имеет значения, лишь бы его было достаточно для...

– Я понимаю. Что ж, я ожидал чего-то подобного, – сказал Император и Кловилен подумал: Не перегнул ли? Жирновато...

– А остальные?

– Большинство из тех, кто меня окружает хотят того же, что и я – социальной справедливости.

– Многие, но не все.

– Разумеется, есть и другие. Когда придет время они сами решат, как им распорядиться собственной судьбой. У них, как я смею надеяться, будет самое главное – выбор.

– Сегодня каждому из нас предстоит сделать выбор, – сказал Император. – Действовать осмысленно и сообщать или же тешить себя ложными надеждами, перекладывая друг на друга бремя ответственности. Это значит, что благополучный исход возможен только в том случае, если каждый будет понимать, чего он хочет на самом деле. Только так мы сможем объединиться по-настоящему и победить.

Только так, а не иначе.

Жизнь наглядно продемонстрировала несостоятельность старого порядка. Пока есть трон, непременно найдется тот, кто захочет на него взгромоздиться, не стесняясь в средствах. В то время как остальные будут максимально абстрагироваться от политических процессов в

надежде, что кто-то возьмет на себя всю ответственность по ряду острых вопросов и сделает как должно. Так не будет впредь. Так не работает.

И даже в том случае если у нас все получится, нельзя впадать в экзальтацию и терять бдительность, необходимо держать себя в руках, а по сему необходимо будет серьезно пересмотреть устройство общества. Предстоящая война – лишь первый шаг к светлому будущему. Быть может даже то, что сейчас происходит – этот гигантский шаг назад был необходим всем нам, чтобы заполнить пробелы?

– Боюсь, что так и есть, – ответил Тэр. – Далеко не все осмыслили суть перемен и того, что за ними последовало, однако подозреваю, что и не так уж мало тех, кто понял. Действительно понял. Пусть и не вовремя, пусть в свете регресса. По-видимому, иногда и впрямь необходимо споткнуться, чтобы обернуться и увидеть пропасть, из которой мы почти выбрались и в которую мы все дружно сползаем. Полагаю, именно об этом приходили говорить с вами ваши недавние визитеры...

Император кивнул, а Тэр Кловилен продолжил:

– Должен заметить, что я полностью солидарен с вами.

Его Величество прищурился.

– Не могу сказать, что вы не были откровенны, однако я не могу избавиться от ощущения, что вы лукавили. В том смысле, что вы сказали не все.

Тэр взглянул на него, борясь с изумлением. Впрочем, он мгновенно взял себя в руки.

– Наверное, вы правы и, на самом деле, я предпочел бы уже с этой минуты действовать с вами плечом к плечу.

– Уже лучше, – сказал Император. Он подумал немного, лицо разгладилось и посветлело. – Сложная партия, надо признаться, даже в свете известных событий. Но я разыграю ее для вас.

– Благодарю вас, Ваше Величество... – сказал Тэр, поднимаясь. – Для меня это величайшая честь, клянусь вам!

– И это станет серьезным испытанием для вас и для меня! Но прошу вас, Тэр, присядьте. Есть еще ряд вопросов, которые нам необходимо обсудить пока есть время...

За весь период, что Тэр Кловилен провел с Императором бок о бок, он никогда не видел его таким: Его Величество Лоон стал вдруг так недосягаемо высок, что, кажется, никакой лестницы не хватит, чтобы дотянуться до его чела. В нем забурилась сила, энергия закипела, заплескалась через край. Даже просто находиться рядом страшно, так и чувствуешь кожей мощь.

Размышления Тэра Кловилена прервал стук в дверь.

– Должно быть что-то серьезное, – сказал Император хмурясь. – Войдите!

В ту же секунду порог переступил человек, малознакомый Тэру. Нет, видел он его довольно часто, но определенных выводов относительно него сделать так и не смог. Что само по себе нетипично. Тэр всегда славился проницательностью и нечеловеческой интуицией. Ясно одно – этот умный, мужественный человек безгранично предан Императору, как если бы тот был его отцом. Кловилен не единожды становился свидетелем этой безмерной верности, граничащей с самопожертвованием. Тэр мысленно нарисовал его внутренний портрет, как делает это всегда, но портрет этот имеет весьма расплывчатые очертания и одну лишь запись – Тень Его Величества.

– Оберон? Что случилось? – спросил Император. – Мне кажется, ты взволнован.

– Тебе не кажется, мой Император, – ответил великан, облаченный в черное и серебряное. – Поводом тому стало срочное донесение, доставленное минуту назад. В нашем направлении движется довольно необычный отряд. Через три часа в Дарлад придут жители Адэона, Треония и Трамрит.

– Хм... Необычный, действительно. Что ж, собирай людей! – сказал Лоон. – Их необходимо встретить!

- К этому все готово. Люди ожидают твоего приказа.
 - Займись этим лично. И передай Роносу, что я немедленно желаю его видеть. По возвращении вышли вперед гонца, мы вас встретим. Ступай.
- Оберон кивнул коротко, и громадная фигура исчезла в дверном проеме.

Глава 9

Мраморная Зала преобразилась до неузнаваемости: яркий свет обнажил роскошь и величие, созданные неизвестными мастерами глубокой древности. На середину установили стол внушительной длины и такой тяжелый, что понадобилась дюжина удальцов, чтобы его перетащить. Он напоминает панцирь жука-дровосека.

Во главе стола на импровизированном троне восседает Император. По левую руку от него принцесса Стиона, принц Кирилл, князь Ярослав, Дэль, Ологен, Оберон, Гиборд, Регион и другие; по правую стелюеры Фриорт и Арион, россы Верен и Ярмалл, рунии Раслин и Нарвин. За ними Тэр Кловилен и его приближенные.

Кирилл, не в силах совладать с любопытством, во все глаза разглядывает гостей. Впрочем, тем же занялись почти все, даже Ологен.

Россы могучие, русоволосые, белокожие, лица благодушные, открытые и в то же время олицетворяющие грозную силу. Глаза у них карие, теплые. Почти от самих глаз начинаются бороды, они напоминают трезубцы, направленные вниз. Богатые замшевые камзолы сидят плотно по фигуре, подчеркивая богатырскую статью.

Стелюеры высокие, стройные, суровые, словно боги, сошедшие с небес, дабы совершить правосудие. Глаза ледяные, острые, точно клинки; радужки раза в полтора больше человеческих, насыщенные синевой, такой глубокой, словно это окна, сквозь которые в мир заглядывает море. Волосы пепельные, не длинные, едва доходят до плеч. Их одежды, напоминающие снег в солнечную погоду, – рубахи с пышным воротом, скрывающим горло, брюки, заправленные в остроносые сапоги, и плащи, перехваченные на груди александритами, – и впрямь делают их похожими на небесных судей.

Рунии, или как их еще называют жители Империи – ночные духи, обитающие в чащах Старого Леса, ловкие, стремительные, неуловимые, пожалуй, самое загадочное племя Дальнего Континента, хотя о них сложено немало легенд и сказок, передающихся из поколения в поколение, особенно среди народов восточной части Фераур. Многие народы пользуются их языком, называя те или иные вещи или процессы. Но мало кто видел их вживую, даже Лоон смотрит на них с интересом, словно увидел ожившего героя фольклора, несмотря на то, что дружил с Белым Королем, рунием наполовину, родившимся в Адэоне, но росшим среди стелюеров в Треониа. Они напоминают юношей, субтильных, едва достигших совершеннолетия, если бы не глаза, кажется, им одного взгляда достаточно, чтобы вникнуть в суть вещей. Рунии предпочитают слушать, но если говорят, то все замолкают. Волосы длинные волнистые послушные, цветом похожие на кору дуба. Одеты просто, в темные льняные кафтаны и туники со шнуровкой, на ногах ботфорты, – умудряясь при этом выглядеть как благороднейшие князья.

Вопреки ожиданиям, первым взял слово Арион. Стелюер поднялся и пальцами, длинными и твердыми на вид, точно вытесанными из камня, коснулся глянцевой столешницы.

– Его Величество Лоон предложил мне открыть совет, – сказал он, и голос напомнил звон металла. – Я буду говорить от имени моего народа, и от имени наших соседей, представителей которых вы видите рядом со мной.

Глаза, непроницаемые и холодные, как зимнее небо, скользнули по лицам присутствующих.

– Дивион на пике великого кризиса. Думаю, ни для кого не секрет, когда он начался, но считаю необходимым уделить этому моменту немного времени. Гармония опасно пошатнулась с гибелью Дродэрна. После его смерти произошла целая череда роковых событий: упадок Кхоридара, раскол Фераур, блокада Као-Тхо, миграция парамизов по землям Дальнего Континента, война кортардов с табольгами. Нермы и нуоры напоминают о себе все чаще.

Примерно в это же время начались серьезные проблемы на юге. В районе Хрустальных гор до сих пор идет ожесточенная битва с Хаборами Патпаара. Они уже давно делают попытки перебраться на земли Дивион, а после гибели Харгона...

Арион выдержал паузу, и Кирилл ощутил на себе его взгляд.

– Хаборы начали стремительное переселение в земли Эмблоиф. Стелоиерам, Вальторм и Россам объединенными усилиями едва удастся сдержать экспансию.

– Чем это вызвано? – спросил Император.

– Наверняка не знает никто. Сначала мы думали, что это обусловлено захватническими мотивами, но по последним данным мы сделали обескураживающий вывод, что миграция вызвана страхом. Хаборы боятся! Чего-то, что находится по ту сторону гор. Кто-то на них нападает! До сегодняшнего дня не было возможности отправить туда разведывательные отряды и проверить в чем дело. Сейчас ведутся сражения, но в скором времени, полагаю, состоятся переговоры. Возможно они уже состоялись, ибо все к тому шло.

Между тем кризис не стоит на месте, он на глазах перерастает в катастрофу. Если дать событиям и дальше развиваться в таком темпе, то уже скоро наступит геополитический коллапс, в результате которого Дивион ждет то же, что стало однажды с теми землями, которые все мы привыкли называть Харна. Тотальная деградация.

Несколько дней назад владыка Треония собрал совет и объявил о том, что Фераур необходимо оказать всяческую поддержку, ибо именно отсюда можно положить конец разрушительному процессу разделения между теми, кто хочет мира и теми, кто хочет власти над миром.

Народ Адэона пребывает в великой скорби от происходящего на Дальнем Континенте. Вырубается леса, вскрываются старые шахты и рудники, разрабатываются новые. Прекрасные города полные жизни превращаются в города призраки, в которых люди, осуществляющие добычу, умирают от усталости, болезней и травм, в то время как добытые ресурсы растворяются в неизвестном направлении. Зачем? Какой в этом смысл? Рунии смотрят на людей в недоумении, поражаясь их отношению к миру и друг к другу. Их сердца охвачены болью. Людей становится все больше, места пригодного для жизни все меньше, но люди не хотят жить в мире.

Большинству из присутствующих известно кто такой Гоцефал и то, что он был и есть ключевая фигура происходящего. Но мало кто знает, что на самом деле он являет собой лишь орудие или средство для тех, кто с самого начала мнит его пешкой в большой игре. Чародей желал утолить тщеславие и гордыню, даже не подозревая о том, что его используют в качестве тарана деформанты – искажатели душ, как их называют Великие.

– Или мутноглазые, как их называем мы, – сказал Ологен. Все собравшиеся повернулись к нему и скорее всего он покраснел бы, если бы мог. – Очень прошу простить меня за то, что перебил.

– Не знал, что табольгам доводилось иметь с ними дело, – сказал Арион.

– Мутноглазые зачастили к нам сразу же после гибели Кхоридара. Сулили золотые горы и кое кто развесил уши. Но Ферум, как вы знаете, не любитель разводить шуры-муры, несколько особо впечатлительных табольгов тут же отправились измерять температуру в плавильне. Остальные как-то резко охладели к искажателям этим, треп закончился, все только по делу.

– Вы торгуете с ними?

– Торгуем, а куда деваться?

– И оружием?

– Оружием тоже, – сказал Ологен, глядя в стол. – Ну, таким... Не самым лучшим. И без всяких там штучек.

– Это плохая новость, – сказал Оберон. – То, что по вашим меркам не очень, на деле является лучшим из того, что способны создать люди. Спасибо, что предупредил, добрый табольг.

– А кто они такие, эти... деформаторы? – спросил Ярослав.

– Да, кстати, интересно было бы узнать о них немного больше, – сказал ун Ольеро. – Что с ними не так? Кто они вообще такие?

– А с ними все не так, – сказал Ологен. – Они как вертушки эти, на ваших крышах, крутятся туда куда ветер дует. Хочешь так, хочешь эдак. И так ладно у них так все льется, заслушаешься.

– Деформанты культивируют ценность индивидуальности, – сказал Арион. – Личность как центр вселенной.

– Каждая что ли? – спросил Мальтон немного ошарашенный.

– Смысл идеологии деформантов сводится к полному отсутствию границ. Деньги решают все, мнение окружающих не имеет значения, а культура представляется как нечто узкое и специфическое.

– Как приятно тебе, так и правильно, – вставил Ологен. – Полная свобода от всего и вся!

– Это где ж в Дивион места набрать на каждого такого? – сказал Регион с усмешкой.

– Ушлые ребята. Мне доводилось с ними сталкиваться, – сказал Оберон. – Правда в те времена они не особо высывались, жались трусливо к сильным мира сего. А теперь вот похоже, осмелели.

Говоришь с ними, вроде все понимают, а на деле гнут свое. Их даже лицемерами назвать язык не поворачивается, они как мякиш, ни совести, ни чести, ни достоинства. Зато падкие на деньги. И все им ни по чем, ни бога не боятся, ни Феоргаона.

– И вроде не злые они, не чувствуется в них враждебности какой, а такое вытворяют, – сказал Ологен. – И чистенькие в итоге. Какой с нас спрос? Вы ж сами все...

– Деформанты считают совесть ненужным обременением, – сказал стелюер Фриорт. – Потому и преломляются как необходимо в данный момент.

– Жуть какая... – сказал Ольеро.

– В том-то и дело, что жуть, – сказал Ологен. – Вроде живые как все, вроде не дураки, а растаскивают все до чего могут дотянуться, как насекомые какие. Творят паскудные дела, а ненависти не навлекают. Будто они ни при чем.

– Мерзость одним словом, – сказал Ярослав.

– Каленым железом их... – добавил Мальтон.

– Не скоро кому-то из вас доведется столкнуться с деформантами, – сказал Император. – Если только никто из вас не собирается в Росгул. Здесь сейчас слишком горячо, среда еще недостаточно готова для того, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Искажатели как разносчики заразы. Сами не болеют, от огня держаться в стороне, в то время как зараженные лезут во все тяжкие.

На пару минут возникла пауза, которую нарушил Арион.

– Что ж, Росгул действительно сильно изменился за последнее время. Он обособлено и потому на него до последнего смотрели сквозь пальцы. Росгул, пожалуй, одно из самых молодых государств Дальнего Континента, при этом на его территории процветают такие чудовищные явления как рабство, пытки, кровавые представления и проституция. Там процветает насилие, а знания уничтожаются на кострах.

Происходящее внутри королевства выплеснулось за его пределы и охватывает Дальний Континент подобно смертельному вирусу. Кхоридар уничтожен и разграблен, ведь он являлся преградой для того, чтобы дотянуться до ресурсов Фераур и Алафтионды. Ситуация вышла за рамки разумного и допустимого, в происходящем очевидны долгосрочные планы на захват территорий, междоусобных войн и бестолковое выкачивание ресурсов.

Лиор рассчитывает на вас, Ваше Величество, он искренне надеется, что, не смотря на всю трагичность вашей судьбы, вы не останетесь в стороне. Никто лучше вас не сможет навести порядок в Империи, и он готов оказать посильную помощь. Еще он сказал, что если мы в

ближайшем будущем не наведем порядок сами, то за нас это сделает Метель. Вам известно, что это означает?

– Более чем... – сказал Император, бледнея. – Полагаю, что уже каждый чувствует ее приближение.

Арион скользнул взглядом по лицам собравшихся, читая на них тревогу.

– В руках руниев кроется великая сила, которую они расходуют на благо мира. В свое время они охотно поделились своей землей со всеми, кто незвано прибыл из-за морей, каждому дали приют. Первопоселенцы благодарили их и благословляли, но их потомки забыли об этом. Более того – стали считать руниев чуждым и опасным народом. Но не все забыли. Россы помнят. И стелоиеры помнят.

– Табольги тоже помнят, – сказал Ологен. – По-моему, только у людей память быстро отшибает.

– Это правда, – сказал Регион. – Большинство из нас мало интересуется то, что происходит за пределами личных судеб. И это в лучшем случае. Времени дескать ни на что не хватает.

– При этом, заниматься херней времени хоть отбавляй, – добавил Кирилл. – У меня складывается впечатление, будто люди, будучи на земле, обитают на самом деле где-то совершенно в ином месте.

– Не у вас одного, – сказал Император. – Словно до самой смерти не могут поверить в то, что живут.

– Однако жители Адэона все еще не оставляют надежду на благополучный исход, – сказал росс Верен. – Они и теперь готовы помогать всем и каждому даже в ущерб себе, но отступить им уже некуда, и Метель набирает силу. Дивион готовится к Забвению...

Собравшиеся посмотрели на Раслина и Нарвина, но те не стали ничего говорить.

– После того как совет в Треониа закончился, – сказал Арион, – я отправился с поручением к владыке Трамрит. Стелоиер Миор тем временем с тем же отправился в Адэон. Сегодня вы видите перед собой представителей всех перечисленных стран, каждый из нас доверенное лицо наших правителей. Еще несколько сотен наших соплеменников ожидают окончания совета в землях Харна в один день перехода отсюда.

Раслину, Ярмаллу и мне надлежит вернуться.

Считаю немаловажным упомянуть еще одну вещь, – сказал Арион. – Выполнив поручение и вернувшись домой, я застал в Треониа невероятного гостя, который никогда не переступал нашу границу. Его визит вызвал во всех стелоиерах большую тревогу. Она охватила нас словно пожар. Это был Зорг. Он принес много известий, и именно ему мы обязаны тем, что не пришлось вас искать. Однако, мы пребываем в уверенности, что приход Черного Мага являет собой дурное предзнаменование.

У меня все.

– Благодарю тебя, Арион, – сказал Император, поднимаясь. – Далее я предоставляю слово моему другу. Послушаем же, что он скажет.

Оберон поблагодарил Императора и двинулся вокруг стола.

– На сегодняшний день то образование, что до недавнего времени все мы привыкли считать Империей, представляет собой разрозненные осколки, враждующие между собой или же пребывающие в состоянии боевой готовности относительно друг друга. То, что сегодня происходит в Фераур можно уместить в одно слово – анархия.

В центре стола лежит матово-белый прямоугольник, Оберон положил на него ладонь, раздался густой пульсирующий звук, напоминающий звучание арфы и переливы колокольчиков, – в воздухе возникло объемное изображение, видное одинаково со всех сторон.

– Перед вами, как вы можете догадаться, карта Фераур. Она разбита на участки, которые окрашены в три цвета: зеленые – дружественные, синие – нейтральные, и красные – враждебные. Подразумевается власть тех или иных участков и ее отношение к политике Императора.

Народ в расчет не берется, ибо по последним данным почти семьдесят процентов населения Империи ждут возвращения Его Величества. При этом красных участков больше остальных. Зеленых меньше всего.

– Что значит отличие темно-красного от просто красного? – спросил Ярослав.

– Темно-красным расцвечены Снэдовия, Хордо и Харузат. И это значит, что в отличие от остальных они заодно.

– Теперь становятся понятными многие вещи... – сказал Регион задумчиво.

– Едва ли, – сказал Оберон. – Я уверен, что вы все еще в неведении происходящего...

Я начну свой рассказ с того, что произошло. В двух словах, как говорится.

Всем известно, что Император Лоон впервые за всю историю Дивион смог объединить под единым флагом десятки государств, изматывающих друг друга кровопролитными войнами на протяжении сотен лет. Так на свет появилась Империя Фераур. Необходимо заметить, что со временем в состав Империя вошло государство, которое всегда отличалось непримиримостью и свободолобием. Снэдовия, во все времена представляющая собой грозную силу, на добровольной основе присягнула короне Фераур на верность и в отличие от остальных народов снэды были верны своему слову до последнего. Но об этом чуть позже.

Ни для кого не секрет, что Император вел жесткую политику, и особенно тяжело приходилось на долю знати, в том смысле, что сливки общества перестали быть таковыми. Император заставил работать всех. Кто не работает, тот не ест! – был его девиз. Есть чему научить, умеешь грамотно руководить – учи и руководи, не умеешь – учишься и работай. Кидай мешки, сей и жни, подметай улицы, в конце концов. Кто на что горазд. Помимо прочего Император произвел ряд чудовищных преобразований, одно из которых – национализация всех ресурсов Фераур, как фактических, так и потенциальных. Вся прибыль пошла в казну Империи. Кстати, спустя немного времени, ее попытались ограбить. По старой памяти. Император пресек это жесточайшим образом. Виновных казнили прилюдно.

На государственные деньги началось благоустройство, причем не столиц и не главных улиц, а равномерно всей Империи со всеми ее поселками, фермами и закоулками. Знать была в ярости, но поделать с этим в открытую ничего не могла. А когда вместе с карманами стало происходить очищение еще и культурного характера, терпению пришел окончательный и бесповоротный конец.

Граф Тай, Князь Риджерд и Князь Бридо стали всерьез подумывать о свержении Императора. Все остальные пока еще только недовольно роптали. А эти трое долго думали и, наконец, началась осторожная информационная война среди знати. Когда в процессе нее они поняли, что сторонников у них гораздо больше, нежели противников, они выбрали самых влиятельных и пообещали, что с *уходом* Императора Империей будет управлять Конгломерат, озвучили потенциальные кандидатуры и условия.

Все было сыграно как по нотам. Им удалось все, кроме убийства самого Императора. Его Величество долго передавали с рук на руки, расплачиваясь за это жизнью, спасителей вырезали целыми семьями, а потом возникла критическая ситуация: когда Императора обложили со всех сторон, на пике событий в происходящее неожиданно ввязались те, кого не брали в расчет совершенно – Тэр и его люди.

Впрочем, князья и прочие власть предержащие добились своего – получили в свои руки все, о чем мечтали бессонными ночами. На престол взошел Конгломерат. И началась драка не на жизнь, а на смерть. Каждый мнил себя самым-самым, в Империи начались черные дни. Ничего непонимающие люди ощутили на себе все прелести произвола и прочих безобразий.

А господа уже рвали друг друга в клочья, все подозревали всех, Империя стала разваливаться, контроль, если *это* вообще когда-либо можно было назвать контролем, поплыл в неизвестном направлении. Лишь Хордо, Харузат и Снэдовия жили иначе, они сплотились, и с

той стороны откровенно запахло угрозой. Знать призадумалась. Кто о чем, но крепко. Правда, от красивого полотна Фераур остались уже жалкие лоскуты...

Оберон долго рассказывал. Его «в двух словах» растянулось часа на два. И с каждым новым словом все сильнее кровь стыла в жилах.

– ...и если с другими обстоит дело именно таким образом, то со Снэдовией все далеко не так просто. Согласно канонам Снэдовии, свержение правителя равно отцеубийству, которое считается у них тягчайшим преступлением и карается мучительной смертью. Вы этого не знали? Правитель для снэдов равен богу, что однажды уходит сам, выбирая приемника.

Страшное заключается в том, что назад дороги нет. Теперь подавляющее большинство жителей Империи являются для снэдов хуже животных или скорее чем-то вроде зловредных паразитов, которых необходимо уничтожить. Любым способом.

Собравшиеся похолодели. Даже Тэр Кловилен.

– Интересно было бы узнать, откуда у вас такая осведомленность относительно Снэдовии? – спросил кто-то.

– В этом нет ничего удивительного, – ответил Император. – Наш добрый Оберон рассказывал о своей родине...

Глава 10

Кирилл сидел в кресле, закинув ноги на подоконник, низкий, на уровне колен. За окном холодно, капли дождя бьют по стеклу. Рядом на столике нетронутая бутылка глона и фрукты. Он провел здесь уже несколько часов, намеренно выбрав самую отдаленную башню замка – излюбленное место Императора, перебирая в памяти все, что было сказано на совете в попытке осмыслить масштабы надвигающейся катастрофы.

Метель... При упоминании о ней большинство собравшихся выпало в осадок, и лишь малая толика переглянулась в недоумении. Было очевидно, что каждый испытал величайшее беспокойство, но никто ничего не спросил, будто опасаясь даже касаться этого вопроса.

Сегодня Кирилл проснулся от собственного вопля. Ему снова снились сожженные трупы. Кирилл бродил среди них, кого-то разыскивая, но никак не мог понять, кого же он ищет. При этом он испытывал острую тревогу, будто сделал что-то такое, чего делать было нельзя ни в коем случае. Но что? А потом Кирилл узнал один из трупов, затем еще один и еще... Пока он в замешательстве вертел головой, пошел снег, заматавая страшное свидетельство... Чего? Что могло случиться? Что... Кирилл понял, что остался совершенно один на целом свете. И жив лишь потому, что... Он зашелся в крике.

Их убила не Метель, – подумал он, когда проснулся и вскочил с кровати. – Их убил я...

Кирилл так и не набрался смелости заикнуться на совете о том, что с ним происходит. Что он на грани. Ярослав поглядывал на него, словно ожидая что он все-таки расскажет о событии на площади, да так и не дождался. А еще этот Арион... Эти глаза-льдины, с легкостью пронизывающие черепную коробку. И ведь стелоиер явно догадывается о том, что твориться под ней... Или скорее знает. Может даже побольше самого Кирилла. Но он не сказал ни слова. Интересно почему?

Кирилл поднялся из кресла, походил туда-сюда, пытаясь отогнать от себя тревожные мысли. Спокойно. Просто нужно хорошенько подумать, выстроить по порядку, взвесить как следует. Спокойно...

Он шагает от окна до двери пытаясь сконцентрироваться. Он вспоминает и взвешивает, скользая невидящим взором по серым шероховатым стенам башни. Штрих за штрихом в голове проявляется картина прошлого и настоящего, и вместе с тем крепнет чувство, будто он являет собой дилогию, первую часть которой кто-то нечаянно куда-то сунул и забыл куда именно. Сколько вопросов! Правда, теперь ему известно, где можно получить ответы.

А сейчас он продолжает вспоминать и взвешивать...

С тех пор, как они оказались в Дивион прошло около пяти месяцев. Хотя кажется, будто вот только вчера Кирилл Спицын сидел на четвертом этаже в скворечнике, называемом квартирой, со стоимостью несоизмеримой с качеством, корчась от головной боли, придавленный тоннами информационного шлака. В мире, в котором возвращается и удобряется бескультурье, ложь, алчность, противоречия, недоверие... одним словом бесовщина. В мире, превратившемся в трансконтинентальную барахолку, где можно купить и продать все что угодно.

Здесь все не так. Во всяком случае пока. Здесь люди не хотят мириться с несправедливостью! Они знают, как должно, они готовы приложить усилие и пойти до конца, понимая, что за это придется дорого заплатить. И у них получится! Я уверен в этом.

Интересно, увижу я когда-нибудь все эти компьютеры, машины и дешевую бутафорию, злые лица и узкие лбы, тонкие шеи и замыленные глаза? Наверное, нет. И, слава богу! Я все еще не чувствую себя дома. Зато чувствую, что иду домой.

Жаль только, что не успел проститься с теми, кого привык считать родными. Не успел поговорить напоследок, не успел попрощаться...

Ничего не успел!

Наверное, так чувствуют себя те, кто умер. Досада и осознание того, что уже ничего нельзя сделать. А что можно сделать? Вы там, я здесь. Отныне и навсегда...

А может там, на трассе мы... Может произошла авария? Может действительно происходит так после смерти? Просто начинаешь жить где-то еще?

Вряд ли. Просто кончился срок действия этого... хренеора. И вот мы здесь. И делайте теперь что хотите.

Надо же, такая безумная череда! И в ней я. И Ярослав. И мало кругом разных чудес и чудиков, магов, духов, чудовищ, так еще и...

...Кирилл так и не увидел Багрон снаружи. Когда Зорг вернулся за ними в альтирский трактир, они вышли из комнаты, полагая, что идут в обеденный зал, а оказались в холле Багрон. Об этом Кирилл узнал чуть позже, а пока что стоял, озираясь в недоумении. Впрочем, недоумение быстро сменилось любопытством. А потом Кирилл едва не свихнулся!

Они сидели в столовой, завтракали, когда Зорг привел двух девушек. Одна изящная, хрупкая с темными вьющимися кудрями и большими светло карими глазами. Другая статная, высокая, спортивная, гордая. Глаза зеленее зеленого, словно подсвеченные изнутри ярким чистым светом весеннего солнца.

– Знакомьтесь – это принцесса Фераур Стиона, – сказал Зорг, указывая на белокурую красавицу. Затем перевел взгляд на брюнетку. – А это моя дочь. Ее зовут Дэль.

Его рука протянулась в сторону Кирилла и Ярослава.

– Это принц Глорэр и князь Арт, они родом из Кхоридара.

Девушки расположились за столом против них.

– Ну что ж, настал момент, когда я могу рассказать вам все, что мне известно.

И он рассказал.

Все как есть.

И как было.

А потом Кирилл и Кристина оказались наедине. Кристина говорила, говорила, не умолкая, ее распирала эмоция. О том, что стоило ему уехать, она не смогла найти себе места. Хотела позвонить Юле, а та сама вдруг пришла, бледная, чуть живая от страха. Предчувствие чего-то непоправимого терзало ее. А потом что-то произошло, они не поняли, что именно, просто вдруг увидели... Кристина не сразу смогла объяснить, что же именно она увидела. Было очень страшно. Гораздо страшнее, чем в первый раз. Именно такая мысль пришла ей в голову, когда все это началось. И долго не оставляла в покое. Просто мысль, ни к чему не привязанная.

Кристина полистала страницы памяти...

Их затягивало во что-то. Она почувствовала каждую клетку тела, как кровь бежит по организму, как хрустят сосуды и поскрипывают суставы, как клетки шевелятся в яслях. А потом все исчезло. И вместе со всем она сама. Кристина могла только видеть... Пространство? Бесконечность? Фантасмагорию? Движение чего-то куда-то! Видимое и осязаемое. Кристина попыталась позвать подругу, но не услышала даже собственного голоса. Должно быть, и Юля не услышала его.

Потом все изменилось, они долго ходили по лесу, если *это* можно назвать лесом, уверенные, что сходят с ума. Они не узнавали друг друга. Смотрели по сторонам, не понимая, что это и как называется. Откуда это. Где это. Из земли торчали, не росли, именно торчали карикатурные гротескные подобию деревьев, голые, искореженные, неправильные. А вокруг раскинулся бледный выцветший мир.

Кристина смутно помнит те события – будто давний полузабытый сон. Возможно из-за перенесенного потрясения. А может благодаря Зоргу. Во время рассказа он эти места обошел. Или, скорее, затер. Они сделали переход, так он выразился.

Зорг нашел их. И привел к себе домой. И с тех пор они погрузились в атмосферу заботы. Сначала было холодно. Внутри все было скованно льдом. Постепенно они оттаяли, оживились. Зорг проводил с ними много времени, жалел, развлекал, задавал вопросы и рассказывал сам. Так они узнали, что Кристина дочь Императора Лоона. Юля дочь Зорга. Про Кирилла и Ярослава не обмолвился ни словом.

Зорг сделал все для того, чтобы Кристина и Юля адаптировались как следует. Правда они так и не смогли ничего вспомнить из того, о чем он спрашивал, о чем рассказывал, как ни старались. Имена Дэль и Стиона так и остались чужими. Это его огорчало. И это было заметно.

– Ты знаешь, мне казалось, что я попала в сказку. У меня никогда не было отца, и тут... Мой отец – Император! А у Юли так вообще... Ты представляешь, мы сходили с ума от страха, и тут появляется человек. Я даже сначала подумала, что он дурачит нас, издевается, только... До сих пор не верится, что человек способен изобразить столько искренней теплоты. Может я наивная? Но я уверена, что права. Столько заботы! Я никогда от матери столько ее не получала. А какой он был счастливый, увидев нас, это что-то...

– Это и сейчас видно.

– Ты бы видел, что с ним творилось тогда! Он прямо уверен был, что Юля – его дочь. Вот дочь и хоть ты тресни! И ко мне он отнесся тепло и искренне. Ты же знаешь, я всегда чувствую такие вещи. Мне кажется, Зорг самый хороший человек на свете. Не считая тебя конечно.

Кристина улыбнулась, сморщив переносицу. На этом лице это выражение оказалось не менее милым. А может и более.

Они замолчали. Надолго. Оба чувствовали себя не так как прежде, что-то поменялось в отношении друг друга. Может просто нужно немного подождать? Привыкнуть?

Кристина сказала, что Кирилл изменился. Не только внешне. И Ярослав изменился. Разговаривают иначе, даже исходящий от них фон абсолютно иной – чужой. Особенно это касается Ярослава. А Кирилл подумал, что Кристина не изменилась, – закрой глаза и вот она собственной персоной. Голос немного другой. Зато он ощутил перемену в собственном отношении к ней. И дело не в Кристине. Исключительно в нем самом. Но он решил не торопиться с выводами. Слишком много факторов.

– Хочешь снова от меня сбежать?

– С чего ты взяла?

– Я чувствую. Ты уже сбежал от меня сюда, а я... я будто бы пришла следом. Именно так мне кажется. И я уверена, что, если бы в тот день ты не уехал, все осталось бы по-прежнему. Мы бы жили, у нас появился ребенок. Может даже со временем ты успокоился...

– Это вряд ли...

– Да, ты прав. Просто я хочу, чтобы так было. Вернее, хотела. Я очень хотела, чтобы мы всю жизнь прожили вместе и умерли в один день. Я любила тебя.

– А сейчас?

– Сейчас не знаю. И дело тут не только во мне. Ты холоднее чем обычно. Не ко мне, вообще. Твою руку берешь, а она как ледышка. И в то же время внутри у тебя такой жар, что...

– Что? – спросил он, чувствуя, как внутри шевельнулся страх.

– Ты как печка. Там внутри. Под слоем льда. И этот жар опалает... И ведь так было всегда, так? Только не так очевидно.

– Наверное, – сказал он, еле шевеля губами.

– Как думаешь, мы справимся с этим всем? – спросила она почти шепотом. И в ее голосе была надежда.

Кирилл смотрел на нее испытывая тяжесть, угнетающую, тянущую, будто внутренности слиплись от растопленного гудрона.

– Я не знаю... – ответил он.

На следующий день Кирилл поднялся намного раньше обычного. Было еще темно. Он слонялся по коридорам, пытаясь избавиться от жуткого послевкуся ночного сна. А потом Зорг окликнул его, приглашая в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.